

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕЛЬПОМЕНА

БИБЛИОТЕКА «СКИТ ОТШЕЛЬНИКА»

THE
HISTORIES

HERODOTUS
OF HALICARNASSUS

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания
Г.А.Стратановского

Под общей редакцией
С.Л.Утченко

Редактор перевода
Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»
Историческое отделение
ГОРА «ОЛИМП»

2016

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), Б.Г.Вебер, М.Я.Гефтер,
А.А.Губер (председатель), А.В.Гулыга, В.М.Далин,
А.И.Данилов, И.С.Кан, М.В.Нечкина, С.А.Токарев,
С.О.Шмидт, Е.М.Штаерман.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла.

Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные памятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофона, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно поэтому и круг отбираемых трудов для серии

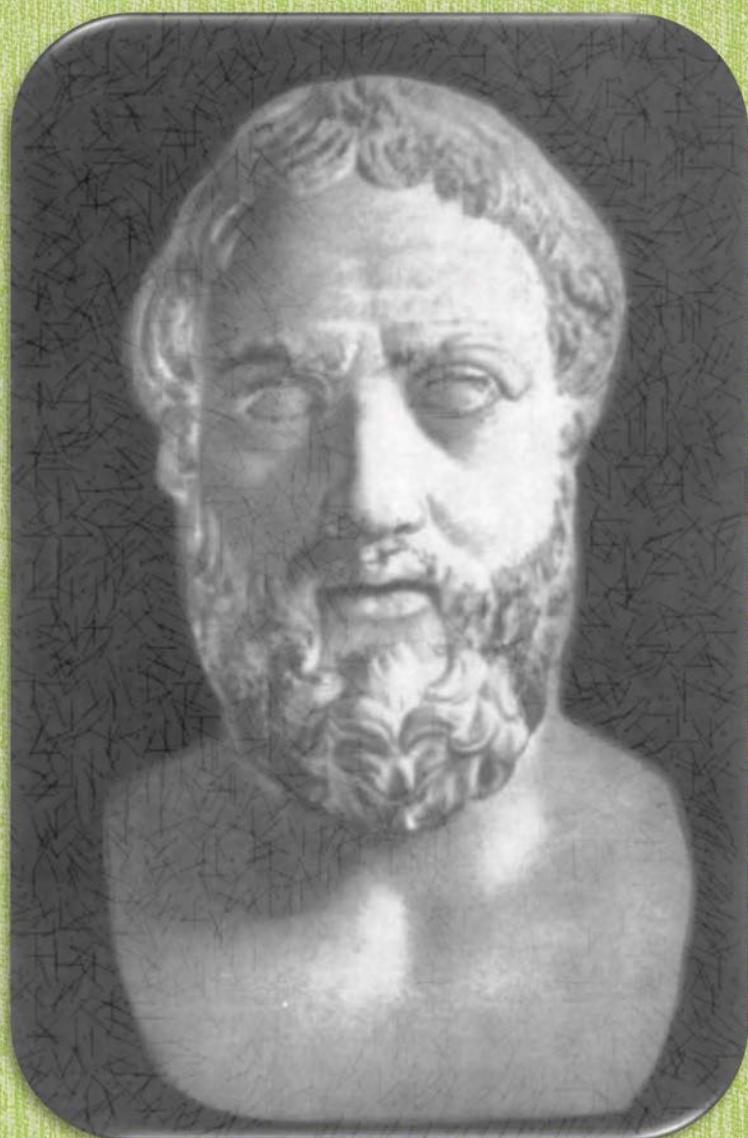
должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX-первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому – то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»

БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

484 ♂ Н.Э. - 426 ♂ Н.Э.

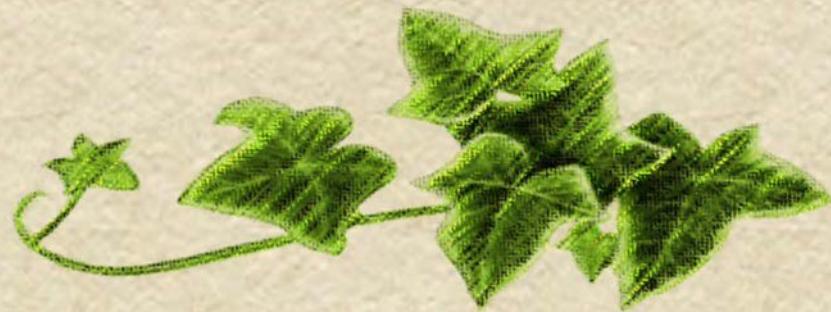
ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Мельпомена — в древнегреческой мифологии муза трагедии. Одна из девяти дочерей Зевса и Мнемосины, мать сирен (от Ахелоя). Изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща, в театральной мантии, с трагической маской в одной руке и мечом или палицей в другой (символ неотвратимости наказания человека, нарушающего волю богов). Одна из девяти античных муз.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ **МЕЛЬПОМЕНА**

ГЕРОДОТ

История

Книга Четвертая

МЕЛЬПОМЕНА

1. После завоевания

Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов[1]. Так как Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше[2], скифы 28 лет

владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами[3], они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28 летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их

ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют[4]. [Поступают они так] из-за молока кобылиц, которое они пьют.

Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубки вроде свирелей и вставляют их во влагалища кобылиц, а затем вдувают ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц. Скифы поступают так, по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылиц опускается. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко.

Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат. Вот почему ослепляют всех захваченных ими пленников. Скифы ведь не землепашцы, а кочевники.

3. От этих то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего, они оградили свою землю, выкопав широкий ров[5] от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им

навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: "Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться".

4. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, устрашенные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско.

5. По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис,

Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша[6]. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

6. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя камиаров и трасниев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

7. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет[7]. Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают

ему столько земли, сколько он может за день объехать на коне[8]. Так как земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих первев. И действительно, земля и воздух там полны первев, а это то и мешает зрению[9].

8. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свинью шкуру, он заснул, а в это время его упряженые кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

9. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гиляя. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы –

полудеву, полузмею. Верхняя часть туловаща от ягодиц, у нее была женской, а нижня – змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая, как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: “Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?”. Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: “Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучшее всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и выполнишь мое желание”.

10. С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце

застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

11. Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)[10]. С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей,

а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они изведали в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

12. И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа[11]. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь

страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары.

13. Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, в своей эпической поэме сообщает, как он, одержимый Фебом, прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше за ними – гипербореи на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитающие у Южного моря[12], под напором скифов покинули свою родину. Таким образом, рассказ Аристея не сведен со сказаниями скифов об этих странах.

14. Откуда происходил сочинитель этой поэмы Аристей, я уже сказал. Теперь сообщу также и то, что мне довелось слышать о нем в Проконнессе и Кизике. Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего. По городу между тем уже пошла молва о смерти Аристея, но какой-то кизикенец из города Артаки оспаривал эту весть. По его словам, он встретил Аристея

на пути в Кизик, и сам говорил с ним. Кизикенец, настойчиво утверждал, что он прав. Родственники усопшего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнессе и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называется “Эпос об ариаспах”. Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

15. Так рассказывают в этих городах. Я же знаю, что в Метапонтии в Италии через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее (как я установил это, сравнивая происшествия в Проконнессе и Метапонтии). Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнесса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только к ним одним [в их город Метапонтий], а в свите бога прибыл также и он сам – ныне Аристей. А прежде как спутник Аполлона он был Вороном[13]. После этих слов Аристей исчез. Метапонтийцы же послали в Дельфы вопросить бога, что означает явление призрака этого человека. Пифия повелела им повиноваться призраку, так как это де послужит им ко благу. Метапонтийцы послушались совета Пифии. И действительно, там еще и

теперь стоит статуя с именем Аристея подле самого кумира Аполлона, а вокруг растут лавровые деревья. Кумир же бога воздвигнут на рыночной площади. Об Аристее достаточно.

 16. Об областях севернее страны, о которой я начал свой рассказ, никто ничего определенного не знает. И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает, как очевидец. Ведь даже сам только что упомянутый мною Аристей говорит в своей эпической поэме, что не заходил дальше страны исседонов; о землях севернее исседонов он передавал сведения по слухам, ссылаясь на рассказы исседонов. Впрочем, я расскажу в точности и как можно обстоятельнее все, что мне, хотя и понаслышке, довелось узнать об этих северных странах.

 17. Ближе всего от торговой гавани борисфенитов[14] (а она лежит приблизительно в середине всей прионтийской земли скифов) обитают каллипииды – эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипиидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако, сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы земледельцы[15]. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я

знако, идем уже безлюдная пустыня. Это – племена по реке Гипанису к западу от Борисфена.

18. За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа[16], а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги – особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня, и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет.

19. Восточнее этих скифов земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пашут. Во всей земле скифов, кроме Гилеи, не встретишь деревьев. Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра.

20. За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу

простирается до Таврики, а на Восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом[17]. Севернее этих царских скифов живут меланхлены – другое, не скифское племя. Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна.

 21. За рекой Танаисом[18] – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

 22. За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом далее на Восток живут фиссагеты – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки[19]. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и

бросается в погоню, собака же бежит за ним. Над иирками к Востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.

23. Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная[20]. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножия высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками[21]. Говорят они на особом языке, одеваются по скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик[22]. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием “асхи”[23]. Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхии они приготовляют в пищу лепешки. Скота у них немного, потому что пастбища там плохие. Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрышки. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают споры соседей, и если у них найдет убежище

какой-нибудь изгнаник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргипнеи.

 24. Страны до этих лысых людей и народы, живущие по сю сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к аргипнеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках.

 25. Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают.

 26. Об обычаях исседонов рассказывают следующее[24]. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и

тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество[25]. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершают сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами.

27. Итак, об исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: "арима" у скифов значит единица, а "спу" – глаз.

28. Во всех названных странах зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер. Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва[26], выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов. Такие холода продолжаются в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло. Вообще там погода совершенно отличная от других стран: когда в

других местах дождливая пора, там дождей почти нет, а летом, напротив, очень сильные. Когда в других местах случаются грозы, здесь их не бывает, летом же они часты. Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или зимой) в Скифии считаются диковиной. Лошади легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают. В других странах, напротив, у лошадей на морозе замерзают суставы, ослам же и мулам стужа не вредит.

29. В силу этого, как я думаю, у тамошней породы безрогих быков и не бывает рогов. Это мое мнение подтверждает следующий стих Гомера в "Одиссее":

... и Ливию, где агнцы с рогами родятся,[27]

что совершенно правильно, так как в теплых краях рога быстро вырастают. Напротив, при сильных холодах у скота или совсем не бывает рогов, или только маленькие.

30. В Скифии это происходит от холода. Впрочем, меня удивляет, что по всей Элиде (этот мой рассказ ведь с самого начала допускает подобные отступления) не рождаются мулы. Между тем страна эта вовсе не холодная и нет для этого никакой другой видимой причины. По утверждению самих элейцев, мулы не рождаются у них в силу какого-то проклятия. Когда наступает пора оплодотворения, кобылиц пригоняют в соседнюю область и

там случают с ослами, пока кобылицы не забеременеют. Потом кобылиц пригоняют назад.

 31. Об упомянутых первях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньшие, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на первя, и из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья первями. Вот сведения, которые у нас есть о самых отдаленных странах.

 32. О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях. Но все же у Гесиода есть известие о гипербореях; упоминает о них и Гомер в "Эпигонах" (если только эта поэма действительно принадлежит Гомеру).

 33. Гораздо больше о гипербореях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посыпают скифам жертвенные дары, завернутые в пищеничную солому. От

скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальние и дальние вплоть до Адриатического моря на крайнем западе[28]. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Евбейю. Здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста. Однако минутом Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а меносцы – на Делос. Так то, по рассказам делосцев, эти священные дары, наконец, прибывают на Делос. В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двоих девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гипербoreйских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланиев всякий раз может постигнуть несчастье и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пищевую солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и, наконец, прибывали на Делос. Мне самому известно, что и в других местах происходит нечто подобное со священными дарами. Так, фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях

Артемиде Царице всегда приносят священные дары завернутыми в пищевичную солому.

34. И я точно знаю, что они так поступают. В честь этих гиперборейских девушек, скончавшихся на Делосе, девушки и юноши там стригут себе волосы[29]. Так, девушки перед свадьбой отрезают локон волос, обвивают им веретено и затем возлагают на могилу гипербореянок (могила эта находится в святилище Артемиды при входе с левой стороны; у могилы стоит маслина). Юноши же наматывают свои волосы на зеленую ветку и также возлагают на могилу. Такие почести жители Делоса воздают этим гиперборейским девушкам.

35. По рассказам делосцев, еще раньше Лаодики и Гиперохи из страны гипербореев мимо тех же народов прибыли на Делос две молодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом[30], женщины призывают их поименно. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу, и собирают им священные дары. Этот Олен пришел на Делос из Ликии и сочинил

также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне в непосредственной близости от зала для пиров кеосцев.

36. Итак, о гипербореях сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе[31], который, как говорят, также был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие – на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем[32]. И Азию они считают по величине равной Европе. Поэтому я кратко расскажу о величине обеих частей света и о том, какую форму имеет каждая.

37. Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным[33]. К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспирсы, выше саспирсов – колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис.

Эти четыре народности занимают область от моря до моря.

38. На западе отсюда в море выдаются от Азии два полуострова, которые я теперь опишу. Один – северный полуостров – берет начало от реки Фасиса и тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея. На юге этот же самый полуостров простирается в море от Мириандинского залива в Финикии до Триопийского мыса. На этом полуострове живет тридцать народностей.

39. Это – один полуостров. Второй начинается у Персидской земли и тянется до Красного моря[34]. Он охватывает Персию, примыкающую к ней Ассирию и затем Аравию. Оканчивается этот полуостров у Аравийского залива (конечно, только по обычному делению), куда Дарий провел из Нила канал[35]. Итак, широкая равнина далеко простирается от Персии до Финикии. От Финикии же этот полуостров тянется вдоль Нашего моря через палестинскую Сирию и Египет, где он оканчивается. Только три народности обитают на этом полуострове.

40. Эта часть Азии лежит на запад от Персии. Выше персов, мидян, саспиров и колхов на Восток простирается Красное море[36], а к северу – Каспийское и река Аракс, текущая на Восток. Азия обитаема вплоть до Индии.

Далее в восточном направлении тянется уже пустыня, и никто не может сказать, какова она[37].

41. Таковы очертания и величина Азии. Ливия же расположена еще на этом втором полуострове: ведь она уже непосредственно примыкает к Египту. У Египта этот полуостров очень узок, так как от берегов Нашего моря до Красного всего лишь 100000 огий, т.е. около 1000 стадий. За этим узким местом полуостров, называемый Ливией, опять сильно расширяется.

42. Поэтому мне кажется странным различать по очертанию и величине три части света – Ливию, Азию и Европу (хотя по величине между ними различие действительно немалое). Так, в длину Европа простирается вдоль двух других частей света, а по ширине, думается, она и не сравнима с Азией и Ливией. Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Неко, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикиян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду

обрабатывали землю; затем дождались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне[38].

43. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию[39]. Зато Самасп, сын Теаспия, из рода Ахеменидов, посланный объехать Ливию, не смог этого сделать. Самасп устремился долгого плавания по водной пустыне и возвратился назад. Он не выполнил, таким образом, опасного поручения своей матери. Этому Самасп оскорбил насилием девушку, дочь Зопира, Мегабизова сына. Царь Ксеркс хотел распять его за это на кресте. Но мать преступника, сестра Дария, упросила царя помиловать сына. По ее словам, она сумеет наказать Самаспа еще более сурово, чем это сделал бы царь: сын ее должен плыть вокруг Ливии, пока снова не прибудет в Аравийский залив. Ксеркс согласился. Самасп же прибыл в Египет, снарядил там корабль с египетскими корабельщиками и затем отплыл к Геракловым Столпам. Выйдя за Столпы, он обогнул Ливийский мыс под названием Солоенит и потом взял курс на юг. Много месяцев плыл Самасп по широкому морю, но путь был бесконечен.

Поэтому Самасп повернул назад и возвратился в Египет. Оттуда он прибыл к царю Ксерксу и рассказал следующее: очень далеко в Ливии им пришлось плыть мимо земли низкорослых людей в одежде из пальмовых листьев. Всякий раз, когда мореходы приставали к берегу, жители покидали свои селения и убегали в горы. Тогда первые входили в их селения, но не причиняли никому вреда, а только угоняли скот. Причиной же неудачи плавания вокруг Ливии Самасп выставил следующее: корабль их не мог, дескать, идти дальше, так как натолкнулся на мель. Ксеркс, однако, не поверил правдивости этого рассказа. Он подверг Самаспа прежнему наказанию: повелел распять на кресте за то, что тот не исполнил его царского приказа. Один евнух этого Самаспа, как только услышал о казни своего господина, бежал с его огромными сокровищами на Самос. Сокровищами этими завладел один горожанин с Самоса. Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем.

44. Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и Скилак кариандинец. Они отправились из города Каспатора в Пактии и поплыли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по морю, на тридцатом

месяце прибыли в то место (как я сказал выше)[40], откуда египетский царь послал финикиян в плавание вокруг Ливии. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и с тех пор господствовал также и на этом море[41]. Таким-то образом было выяснено, что Азия (кроме восточной ее стороны) подобно Ливии окружена морем.

45. Омывается ли Европа морем с востока и с севера, никому достоверно не известно. Мы знаем лишь, что по длине она равна двум другим частям света. И я не могу даже понять, почему, собственно, трем частям света, которые являются одной землей, даны названия по именам женщин. Непонятно также мне, почему реки Нил и Фасис в Колхиде (по другим: река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и киммерийский город Портмей) образуют границу между ними. Нельзя выяснить имена тех, кто разграничил их и от кого взяты названия этих трех частей света. Ведь Ливия, как обычно думают в Элладе, получила свое имя от местной женщины Ливии, Азия же – от супруги Прометея. Впрочем, лидийцы также желают присвоить себе имя Азии. По их словам, Азия названа от Асия, сына Комия, внука Манеса, а не от супруги Прометея Асии. Поэтому и один из кварталов Сард называется Асиадой. Что до Европы, то никто из людей не знает, омывается ли она морем, откуда ее имя и кто ее так назвал. Или же

нужно предположить, что эта страна получила свое имя от тирийской Европы (раньше ведь она была безымянной, как и другие части света). Но все же эта женщина Европа происходит из Азии и никогда не приходила в ту землю, которая теперь у эллинов называется Европой. Она прибыла из Финикии только на Крит, а с Крита – в Ликию. Но об этом довольно. Я буду придерживаться общепринятых мнений.

46. Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса. Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприменимым?

47. Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля и содействуют реки. Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой же равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего, это Истр с пятью устьями, затем Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикан, Гипакирис, Герр и Танаис. О течении этих рек надо сказать следующее.

48. Истр – самая большая из известных нам рек; зимой и летом она всегда одинаковой величины. Это – первая река Скифии на западе; она становится самой большой, и вот почему: в Истр впадают и другие реки, отчего он становится многоводным; из них пять протекают через Скифскую землю; та, которая у скифов зовется Пората, а у эллинов – Пирет; далее Тиарант, Арап, Напарис и Ордесс. Первая из названных рек – велика, течет на восток и сливает свои воды с Истром. Вторая, по имени Тиарант, имеет более западное направление и меньше первой. Арап же, Напарис и Ордесс протекают в промежутке между первыми двумя и впадают в Истр.

49. Эти притоки Истра берут начало в самой Скифии. Река же Марис течет из страны агафирсов и впадает в Истр. На севере с вершин Гема стекают три

большие реки: Амлант, Аврас и Тибисис. Далее в Истр впадают текущие через Фракию и страну фракийских кробизов реки Африс, Ноес и Артанес. Затем из области пеонов и горы Родопы течет в Истр река Киос, пересекающая посредине Гем. Из Иллирии же течет река Ангр на Восток в Трибалскую равнину и впадает в реку Бронг, а Бронг – в Истр. Так Истр принимает обе эти большие реки. Из северной страны омбриков текут на север река Карпис и другая река – Альпис и также впадают в Истр. Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов – самой западной народности в Европе после кинетов. Так-то Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии.

50. Итак, оттого что воды названных рек и многих других вливаются в Истр, он становится величайшей рекой. Впрочем, Нил (если сравнить обе эти реки) сам по себе еще многоводнее. Действительно, в Нил не впадает никакой реки или источника, которые бы делали его полноводным. А то, что количество воды в Истре и летом и зимой одинаково, объясняется, видимо, следующим. Зимой воды этой реки достигают своего естественного уровня или немного выше, потому что в это время в тех странах только изредка выпадают дожди, но зато постоянно идет снег. Летом же глубокий снег, выпавший зимой, тает и отовсюду попадает в

Истр. И вот этот то талый снег стекает и наполняет реку, а также частые и обильные дожди (ведь дожди бывают там и летом). Насколько большие воды летом, чем зимой, притягивает к себе солнце, настолько Истр становится летом полноводнее, чем в зимнее время. Когда же одно возмещается другим, наступает равновесие.

51. Итак, Истр – первая река Скифии, за ней идет Тирас. Последний начинается на севере и вытекает из большого озера[42] на границе Скифии и земли невров. В устье этой реки живут эллины, называемые тиритами.

52. Третья река – Гипанис – берет начало в Скифии. Вытекает она также из большого озера, у которого пасутся дикие белые кони. Озеро это справедливо зовется “матерью Гипаница”. Река Гипанис по выходе из озера лишь короткое время – пять дней пути – остается еще пресной, а затем на четыре дня плавания, вплоть до моря, вода ее делается горько соленой[43]. Ведь в нее впадает настолько горький источник, который, несмотря на незначительную величину, делает воду реки совершенно горькой (а ведь Гипанис больше многих рек). Источник этот находится на границе страны скифов и ализонов. Название источника и места, откуда он вытекает, по-скифски Эксампей, а на эллинском языке – Священные Пути. Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу

в земле ативонов; затем обе реки поворачивают в разные стороны и промежуток между ними расширяется.

53. Четвертая река – Борисфен – самая большая из этих рек после Истрия. Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнимся ни одна река). Тем не менее, из остальных рек Борисфен – самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, рассстилается высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием “антакеи”[44] и есть много других диковин. С севера течение Борисфена известно на расстоянии сорока дней плавания от моря до земли Герра. Однако никто не может сказать, через области каких племен течет эта река дальше на север. До страны скифов земледельцев она, очевидно, протекает по пустынной местности. Ведь скифы эти живут по берегам реки на десять дней плавания. Это – единственная река, да еще Нил, истоков которой я не могу указать (да, как думается мне, и никто из греков).

Близ моря Борисфен –

уже мощная река. Здесь к нему присоединяется Гипанис, впадающий в один и тот же лиман[45]. Клинообразная полоса земли между этими реками называется мысом Гипполая. На нем воздвигнуто святилище Деметры. Напротив святилища на Гипанисе живут борисфениты.

 54. Таковы мои сведения об этих реках. За ними следует пятая река под названием Пантикан. Течет она также с севера и из озера. Между ней и Борисфеном обитают скифы земледельцы. Пантикан протекает через Гилею, а затем, минуя ее, сливается с Борисфеном.

 55. Шестая река – Гипакирис берет начало из озера, пересекает область скифов кочевников и затем впадает в море у города Каркинитиды, оставляя на правой стороне так называемое Ахиллесово ристалище.

 56. Седьмая река – Герр вытекает из Борисфена в том месте, до которого течение Борисфена известно. Ответвляется она в этом месте, а название ее, общее с местностью, – Герр. Течет эта река к морю, образуя границу между землями кочевых и царских скифов, и потом впадает в Гипакирис[46].

 57. Наконец, восьмая река – Танаис. Она течет сверху, беря начало из большого озера, и впадает в еще большее озеро под названием Меотида (оно отделяет

царских скифов от савроматов). В Танаис впадает другая река, по имени Сиргис.

 58. Вот наиболее значительные реки, орошающие Скифию. Трава, растущая в Скифской земле, из всех известных нам трав больше всего вызывает разлитие желчи у скота. Вскрытие трупов животных убеждает в этом.

 59. Таким образом, все важнейшие средства для жизни легко доступны скифам. Что же до скифских обычаяв, то они таковы. Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей, Гея – Ани, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад. У скифов не в обычай воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения.

 60. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец

веревки и затем поворгает жертву на землю. Во время падения животного жрец взвывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса.

61. Так как в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия[47] (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на lesbосские сосуды для смешения вина, но только гораздо большие. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно помещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на землю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней.

62. Таким-то образом и таких животных они приносят в жертву прочим богам. Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому же мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще большие, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.

63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов. Свиней они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране.

64. Военные обычай скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь[48]. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи[49]. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого большие всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

65. Таковы военные обычай скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают

так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сырой матной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сырой матной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши[50]. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием.

66. Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом.

67. У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают

предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков[51]. Энареи – женоподобные мужчины – говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой. Гадают они при помощи липовой мочалы. Мочалу эту разрезают на три части и полоски наматывают вокруг пальцев, а затем вновь распускают и при этом произносят предсказания.

68. Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе трех наиболее уважаемых предсказателей. Они гадают вышеупомянутым способом. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по имени) принес де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага и что из-за этого де царь занемог. Обвиняемый с негодованием отрицает вину. Если он продолжает отпираться, то царь велит призвать еще предсказателей в двойном числе. Если и они после гадания также признают его вину, то этому человеку сразу же отрубают голову, а его имущество по жребию достается

первым прорицателям. Напротив, в случае оправдания обвиняемого вторыми прорицателями вызывают все новых и новых прорицателей. Если же большинство их всё-таки вынесет оправдательный приговор, то первых прорицателей самих присуждают к смерти.

 69. Род казни прорицателей следующий. На запряженный быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрученными за спиной руками запихивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки. Но все же, когда дышло обгорит, быкам иногда удается спастись, получив ожоги. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепророками. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казним, дочерям же не причиняют зла.

 70. Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.

71. Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селерея и аниса[52]. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые

чами (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше[53].

72. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину – на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилищами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удавленных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи.

Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят[54].

73. Так скифы погребают своих царей. Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни.

74. В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготавливают из конопли даже одежду, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно

хорошо разбирающийся, даже не отличит – льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную.

75. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая греческая паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия[55]. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит.

76. Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаем, притом они сторонятся не только обычаем прочих народов, но особенно греческих. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила. Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость. На обратном пути в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов[56]. Анахарсис дал богине такой

обет: если он возвратится домой здравым и невредимым, то принесет ей жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в ее честь всенощное празднество. Вернувшись в Скифию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны. Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи. Анахарсис, как я узнал от Тимна, опекуна Ариапифа, был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Если Анахарсис действительно происходил из этого царского дома, то да будет известно, что умертвил его родной брат. Ведь Иданфирс был сыном Савлия, а Савлий и был убийцей Анахарсиса.

77. Я слышал, впрочем, от пелопоннесцев и другой рассказ. Анахарсиса отправил в Элладу скифский царь в

ученье к эллинам. По возвращении на родину Анахарсис сказал царю, что все эллины, кроме лакедемонян, стараются все узнать и стать мудрыми. Однако только с лакедемонянами можно вести разумную беседу. Рассказ этот, впрочем, – вздорная выдумка самих эллинов; во всяком случае, Анахарсис погиб, как рассказано мною выше.

78. Так несчастливо окончил свою жизнь этот человек за то, что принял чужеземные обычаи и общался с эллинами. Много лет спустя Скилу, сыну Ариапифа, пришлось испытать подобную же участь. У Ариапифа, царя скифов, кроме других детей, был еще сын Скил. Он родился от матери истриянки, а вовсе не от скифской женщины. Мать научила его говорить и писать по-эллински. Впоследствии через некоторое время Ариапифа коварно умертвил Спаргалиф, царь агафирсов, и престол по наследству перешел к Скилу вместе с одной из жен покойного отца, по имени Опия. Это была скифская женщина, от Ариапифа у нее был сын Орик. Царствую над скифами, Скил вовсе не любил образа жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милемянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и

приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц, или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку.

79. Печальная часть, однако, была суждена Скилу. А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе борисфениотов большой роскошный дворец[57], обнесенный стеной (о нем я только что упомянул). Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этом же дворце бог обрушил свой перун, и он весь погиб в пламени. Тем не менее, Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными. Когда царь, наконец, принял посвящение в

таинства Вакха, какой-то борисфенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: “Вот вы, скифы, смеетесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное исступление. А теперь и ваш царь охвачен этим богом: он не только совершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!”. Скифские главари последовали за борисфенитом. Он тайно провел их на городскую стену и посадил на башню. При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вакхическом исступлении, скифы пришли в страшное негодование. Спустившись с башни, они рассказали затем всему войску о виденном.

80. После этого по возвращении Скила домой скифы подняли против него восстание и провозгласили царем Октамасада, сына дочери Терея. Когда Скил узнал о восстании и о причине его, то бежал во Фракию. Октамасад же, услышав об этом, выступил походом на фракийцев. На Истре его встретили фракийцы. Войска готовились уже вступить в сражение, когда Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: “Зачем нам нападать друг на друга: ведь ты сын моей сестры, у тебя в руках мой брат. Отдай мне его, а я выдам тебе твоего Скила, но не будем подвергать взаимной опасности наши войска!”. Это предложение Ситалк велел передать через

глашатая. Так как у Октамасада действительно нашел убежище брат Ситалка, Октамасад принял предложение и выдал Ситалку своего дядю по матери, а взамен получил брата Скила. Ситалк принял своего брата и удалился с войском, а Октамасад велел тут же отрубить голову Скилу. Так крепко скифы держатся своих обычаев и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие.

81. Численность населения у скифов я не могу определить точно, так как получил об этом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим – коренных скифов, собственно говоря, очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды; вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки негодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал

узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов.

82. Кроме множества огромных рек, нет в этой стране больше ничего достопримечательного. Впрочем, помимо этих рек и обширного протяжения равнины, я должен упомянуть об одной диковине. В скале у реки Тираша местные жители показывают отпечаток ступни Геракла[58], похожий на след человеческой ноги длиной в 2 локтя. Таков этот след. Теперь я возвращусь к рассказу, начатому мною прежде.

83. Дарий готовился к походу на скифов и рассыпал вестников к подвластным народам. Одним царь приказывал выставить войско, другим корабли, наконец, третьим построить мост через Фракийский Босфор. Артабан, сын Гистаспа, царский брат, настойчиво отговаривал царя от похода, указывая на недоступность скифской страны. Артабану, однако, не удалось убедить царя благоразумными советами, и он отступил. Дарий же, завершив все приготовления к походу, выступил из Суса.

84. Там Эобаз, один из персов, у которого было трое сыновей и все они должны были идти в поход, просил царя оставить хоть одного сына. Царь ответил, что он оставит ему как другу и скромному просителю всех трех сыновей. Эобаз весьма обрадовался в надежде, что все его сыновья будут освобождены от похода. Дарий же велел слугам умертвить всех его сыновей. И они, казненные, действительно остались там.

85. Дарий между тем выступил из Сус и прибыл в Боспор в Калхедонской области, где был построен мост. Затем царь выступил на корабль и отплыл к так называемым Кианейским скалам (эти скалы, по сказанию эллинов, прежде были "блуждающими")^[59]. Там, сидя на мысе, Дарий обозревал Понт. Действительно, этим морем стоило полюбоваться, так как Понт – самое замечательное из всех морей. Длина его 11 100 стадий, а ширина в самом широком месте 3300 стадий^[60]. Устье этого моря шириной 4 стадии, длина же устья или пролива (называемого Боспором)^[61], через который был построен мост, около 120 стадий. Боспор простирается до Пропонтиды. Пропонтида же (шириной 500 стадий, а длиной 1400) впадает в Геллеспонт; ширина его в самом узком месте 7, а длина 400 стадий^[62]. Впадает Геллеспонт в открытое море, называемое Эгейским.

86. Измерил я эти моря следующим образом: в летний день обычно корабль проходит до 70 000 оргий, а ночью – 60 000. Между тем оба устья Понта до Фасиса (здесь длина Понта наибольшая) 9 дней морского пути и 8 ночей. Это составляет 1 110 000 оргий, или 11 100 стадий. А от страны синдов, где ширина Понта наибольшая, до Фемискиры на реке Фермодоните 3 дня и 2 ночи плавания, что составляет 300 000 оргий, или 3300 стадий. Так я измерил этот Понт, Боспор и Геллеспонит, и их величина такова, как я указал выше. В этом Понте изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта.

87. После обозрения Понта Дарий отплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл самосец. Затем, обозрев и Боспор, царь повелел воздвигнуть на берегу два столпа из белого мрамора и на одном высечь ассирийскими письменами[63], а на другом греческими имена всех народов, которых он вел с собой, а предводительствовал он над всеми подвластными народами. Численность пеших и конных воинов составляла (кроме экипажа) 700 000 человек. Кораблей же было 600. Впоследствии же византийцы привезли столпы в свой город и употребили их на постройку алтаря Артемиды Орфосии. Только одна каменная глыба осталась у храма Диониса в Византии, на ней были ассирийские письмена.

Место на Боспоре, где Дарий повелел построить мост, находится, как я полагаю, между Византием и храмом у входа в Боспор.

88. Дарий остался весьма доволен сооружением моста и строителя его Мандрокла самосца осыпал дарами. На часть этих богатств Мандрокл велел написать картины с изображением всего строительства моста через Боспор; на берегу сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту через Боспор. Картину эту Мандрокл посвятил в храм Геры на Самосе со следующей надписью:

Чрез многорыбный Боспор перекинув мост, посвятил я
Гере картину сию в память о мосте, Мандрокл.

Славу самосцам стяжал, себе же венец, лишь почетный,
Царскую волю свершив, Дарию я угодил.

89. Такой памятник оставил строитель моста. Дарий же, одарив Мандрокла, начал переправу в Европу. Ионянам он повелел плыть в Понт до устья реки Истру, а затем по прибытии к Истре построить мост через реку и ожидать его там (ибо корабли вели ионяне, эолийцы и геллеспонтийцы). Итак, флот прошел через Кианеи и взял курс прямо к Истре. Затем, поднявшись по реке на два дня плавания от моря, мореходы приступили к сооружению моста на "шее" реки, где Истр разделяется на гирла.

Дарий же переправился по мосту через Боспор и затем, пройдя через Фракию, прибыл к истокам реки Теара, где стоял станом три дня.

90. По словам окрестных жителей, Теар – наиболее замечательная река: наряду с другими целебными свойствами вода ее исцеляет чесотку у людей и коней. У этой реки 38 источников: одни – горячие, другие – холодные, но все вытекают из одной и той же скалы. Источники эти находятся на одинаковом расстоянии двухдневного пути от города Герея у Перинфа и от Аполлонии на Евксинском Понте[64]. Этому Теар владает в реку Контадесд, Контадесд – в Агриану, Агриана – в Гебр, а Гебр, наконец, – в море у города Эноса.

91. Дарий прибыл к этой реке и остановился станом на берегу. Обрадовавшись реке, царь повелел и там воздвигнуть столп с надписью, гласившей: “Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка”. Эту надпись царь повелел вырезать на столпе.

92. Отсюда Дарий двинулся дальше и достиг другой реки под названием Артеск, которая течет через землю одрисов. По прибытии к этой реке царь сделал следующее.

Указав своему войску место, он повелел, чтобы каждый воин, проходя мимо, положил туда камень. Когда воины выполнили царское повеление, Дарий двинулся дальше, оставив на месте огромные груды камней.

93. Не доходя еще до Истра, Дарий сперва покорил гетов, которые считают себя бессмертными. Фракийцы же из Сальмидесса и живущие севернее Аполлонии и города Месамбрии, называемые скирмиадами и нипсеями, подчинились Дарию без боя[65]. Однако геты, самые храбрые и честные среди фракийцев, оказали царю вооруженное сопротивление, но тотчас же были покорены.

94. Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чем. По их мнению, они не умирают, но покойник отходит к богу Салмоксису (иные зовут его также Гебелейзисом). Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису Вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. Посылают же Вестника они так. Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копья, другие же хватают Вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копья. Если он умирает, пронзенный копьями, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого Вестника. Его обзывают злодеем, а к богу отправляют затем другого человека. Тем не менее

поручения ему дают еще при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как все не признают иного бога, кроме своего.

95. Впрочем, как я слышал от эллинов, живущих на Геллеспонте и на Понте, этот Салмоксис был человеком, рабом на Самосе, а именно рабом Пифагора, сына Мнесарха. Потом, став свободным, приобрел великое богатство и с ним возвратился на родину. Фракийцы влакили тогда жалкое существование и были несколько глуповаты. Салмоксис познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченными, чем фракийские, так как ему пришлось общаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Салмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших горожан. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они – его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Салмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Салмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нем и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако,

Салмоксис вновь явился фракийцам, и те, таким образом, уверовали в его учение.

96. Вот что совершил Салмоксис, по словам фракийцев. Что до меня, то я и не отвергаю рассказа о нем и о подземелье, но и не слишком то в это верю. Все же я полагаю, что этот Салмоксис жил за много лет до Пифагора. Впрочем, был ли вообще Салмоксис человеком или каким-либо местным божеством гетов, не будем большие говорить о нем.

97. Таковы были верования гетов, когда их покорили персы и они должны были присоединиться к остальному войску в походе. Между тем Дарий с сухопутным войском подошел к Истру. После перехода всех воинов на другой берег он повелел ионянам вместе с экипажами кораблей уничтожить мост и следовать за ним по суше. Выполняя повеление царя, ионяне уже собирались разрушить мост. Тут Кой, сын Эрксандра, стратег митилениев, осведомившись сперва у царя, угодно ли ему выслушать совет человека, желающего его дать, сказал следующее: "Царь! Ты ведь собираешься в поход на страну, где нет ни вспаханного поля, ни населенного города. Так прикажи оставить этот мост на месте и охрану его поручи самим строителям. Если все будет хорошо и мы найдем скифов, то у нас есть возможность отступления. Если же мы их не найдем, то, по крайней мере, хоть обратный

путь нам обеспечен. Меня вовсе не страшит, что скифы одолеют нас в бою, но я боюсь только, что мы их не найдем и погибнем во время блужданий. Скажут, пожалуй, что я говорю это ради себя, именно оттого, что желаю остаться здесь. Напротив, я сам, конечно, пойду с тобой и не желал бы оставаться". Дарий весьма милостиво принял этот совет и ответил Кою так: "Друг мой, лесбосец, когда я благополучно возвращусь на родину, пожалуйста, явись ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет благодеяниями".

98. После этих слов Дарий завязал на ремне 60 узлов. Затем он вызвал ионийских тиранов на совещание и сказал им следующее: "Ионяне, прежнее мое приказание о мосте я отменяю. Возьмите этот ремень и поступайте так: как только увидите, что я выступил против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не вернувшись, а дни, указанные узлами, истекут, то плывите на родину. Пока же, так как я переменил свое решение, стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь. Этим вы окажете мне великую услугу". Так сказал Дарий и поспешил с войском дальше.

99. Фракия дальше Скифии выдается вперед к морю. Скифия же начинается за Фракией в том месте, где море образует залив и где Истр впадает в море (устье Истра

обращено на юго-восток). Я сейчас опишу прибрежную полосу – собственно Скифии, начиная от Истра, для определения ее длины. Это – исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой. Отсюда идет гористая страна, лежащая вдоль того же моря. Она выдается в Понти и населена племенем тавров вплоть до так называемого Херсонеса Скалистого[66]. Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ Скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии, соответствующей Аттической земле, как если бы не афиняне, а другое племя в Аттике занимало мыс Суний, выступающий дальше в море, т.е. пространство от Форика до селения Анафлиста[67]. Я сравниваю это, насколько можно сравнить малое с великим. Так же обстоит и с Таврией. Тому же, кто не плавал мимо этого мыса Аттики, я разъясню на другом примере. Тавры обитают в этой части Скифии так, как если бы в Иапигии другое племя, а не иапиги отрезало бы для себя землю от гавани Брентесия до Таранта и населяло бы полуостров. Кроме этих двух стран, я мог бы назвать еще много других, на которые похожа Таврия.

100. За таврами опять живут скифы, частично дальше на восток на морском побережье, а частью на

западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаиса, которая впадает в это озеро в самом дальнем его углу[68]. Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами[69].

101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны [четырехугольника] Скифии составляют 40000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, – еще столько же. Такова величина этой области.

102. После совещания скифы убедились, что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам. Цари последних уже собрались на совет, чтобы обдумать, как им поступить ввиду вторжения такого огромного войска. На совещании присутствовали цари тавров, агафирсов,

невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

 103. У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве погибших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения[70]. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной.

 104. Агафирсы – самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой. В остальном их обычаи схожи с фракийскими.

105. У невров обычай скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов[71]. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик[72]. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это.

106. Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране.

107. Все меланхлецы носят черные одежды, отчего и происходит их название. Нравы у них скифские.

108. Будины – большое и многочисленное племя; у всех их светло голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены

также дома и святыни[73]. Ибо там есть святыни, эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

109. Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками[74]. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой[75]. Мехом этих зверей будины отирают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки[76].

110. О савроматах рассказывают следующее[77]. Эллины вели войну с амазонками[78] (скифы называют амazonок “эорната”, что по-эллински означает

мужеубийцы; “эор” ведь значит муж, а “ната” – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амazonки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амazonки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амazonки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

111. Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амazonок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амazonки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете большие совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амazonок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амazonок и делать все, что будут делать те; если амazonки начнут их преследовать, то они не

должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

 112. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

 113. В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амazonку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша вернулся и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то

же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

114. После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как женщины усвоили язык мужей. Когда, наконец, они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: "У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет". На это амазонки ответили так: "Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычай у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе".

115. Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: "Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло Вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом".

116. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на Восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида^[79]. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычай: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

117. Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амazonки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычай, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай.

118. Итак, скифские посланцы прибыли в собрание царей упомянутых племен. Они сообщили, что персидский

царь, покорив все племена в другой части света, построил мост на перешейке Босфора и переправился на этом материк. Затем царь подчинил фракийцев и навел мост через реку Истр. Теперь он желает завоевать все их земли. “Вам никоим образом не следует держаться в стороне, — говорили послы, — и допустить нашу гибель. Давайте выступим единодушно навстречу врагу. Если вы не сделаете так, то нам придется покинуть нашу страну или же, оставаясь здесь, добровольно подчиниться захватчику. Что же нам делать, если вы не пожелаете помочь? И вам от этого не станет легче. Ведь персидский царь выступил в поход против нас, так же как и против вас. Покорив нас, он не успокоится и не пощадит вас. Мы дадим вам важное доказательство наших слов. Ведь если бы персидский царь выступил только против нас одних, чтобы отомстить за прежнее порабощение, то ему пришлось бы, оставив в покое все прочие народы, прямо идти на нашу страну. Тогда всем было бы ясно, что он идет на скифов, а не против других народов. Ведь лишь только царь переправился на наш материк, он подчинил все народности на своем пути. Все остальные фракийские племена уже в его руках, в том числе и соседние с нами геты”.

119. После этого сообщения скифов, прибывшие сюда цари племен стали держать совет. Мнения участников

разделились: цари гелонов, будинов и савроматов пришли к согласию и обещали помочь скифам. Цари же агафирсов, невров, андрофагов, а также меланхленов и тавров дали скифам такой ответ: "Если бы вы прежде не нанесли обиды персам и не начали войны с ними, тогда мы сочли бы вашу просьбу правильной и охотно помогли бы вам. Однако вы без нашей помощи вторглись в землю персов и владели ею, пока божество допускало это. Теперь это же божество на их стороне, и персы хотят отплатить вам тем же. Мы же и тогда ничем не обидели этих людей и теперь первыми вовсе не будем враждовать с ними. Если же персы вступят в нашу страну и нападут на нас, то мы не допустим этого. Но пока мы этого не видим, то останемся в нашей стране. Нам кажется, что персы пришли не против нас, а против своих обидчиков".

120. Получив такой ответ, скифы решили не вступать в открытое сражение с персами (так как эти соседи не пожелали им помочь). Скифы стали медленно отступать, угнавая скот, засыпая колодцы и источники и уничтожая траву на земле. Свое войско они разделили на два отряда. К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Отряд этот в случае нападения персов на эту область должен был отступать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотида. Если же персы повернут назад, то преследовать их. Это

Войско принадлежало первой из трех частей скифского царства и получило приказание идти указанным путем. Два других царства – великое царство под властью Иданфирса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом выполнить военный план. Прежде всего, нужно было заманить персов в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь их в войну с персами. Если они не пожелали добровольно выступить против персов, то их надо было заставить воевать против воли. После этого им пришлось бы вернуться в свою землю и напасть на персов, если бы это оказалось разумным.

121. Приняв такое решение, скифы выступили против войска Дария, выслав вперед головной отряд лучших всадников. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, они отправили вперед с приказанием все время двигаться на север.

122. После этого обоз выступил вперед. Головной отряд скифов встретил персов на расстоянии около трехдневного пути от Истра. Скифы опередили врагов на дневной переход и расположились станом, уничтожая всю

растительность. Лишь только персы заметили появление скифской конницы, они начали двигаться по следам врагов, которые все время отступали. Затем персы напали на одну из частей скифского войска и преследовали ее в восточном направлении к реке Танаису[80]. Скифы перешли реку Танаис, а непосредственно за ними переправились и персы и начали дальнейшее преследование, пока через землю савроматов не прибыли в область будинов.

123. Пока путь персов шел через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и владают в так называемое озеро Меотиду. Названия этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

124. Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился станом на реке Оаре. Затем царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии – около

60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились еще до нашего времени. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершенные постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится все скифское войско и что скифы бежали на запад.

125. Дарий шел с войском весьма быстро и, прибыв в Скифию, встретил там оба отряда скифского войска. Столкнувшись с врагами, царь начал преследование, причем скифы опережали его на один день пути. И так как Дарий не прекращал преследования, то скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племен, которые отказали им в помощи, и, прежде всего – в страну меланхленов. Вторжение персов и скифов устрашило меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага в область андрофагов. Устрашив и этих, они стали отступать в землю невров. После этого, наведя страх и на невров, скифы отступили к агафирсам. Агафирсы увидели, как их соседи бежали в страхе перед скифами и послали глашатая, прежде чем те проникли в их землю, с запрещением вступать в их пределы. Агафирсы заявили скифам, что если те все же посмеют вторгнуться в их

страну, то им придется сначала выдержать смертельный бой с ними – агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Меланхлены же, андрофаги и невры не осмелились оказать сопротивление персам и скифам. Забыв о своих угрозах, они в страхе бежали все дальше на север в пустыню. Скифы же не пошли в страну агафирсов, так как те не желали их пропускать, а стали заманивать персов из страны невров в свою землю.

126. Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: “Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры”.

127. На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: “Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов,

ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не благорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это [я сказал] о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров – земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!”. Таков был ответ скифов.

128. С этим сообщением глашатай отправился к Дарию. Цари же скифов, услышав слово “рабство”, пришли в негодование. Они послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Истр. Остальные решили не завлекать дальние персов, а нападать на них, когда те выходили на поиски пищи. Выполняя это решение, скифы подстерегали воинов Дария, когда те добывали себе пищу. Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Бегущие персидские всадники нападали на своих же пехотинцев, которые являлись к ним на помощь. Тогда скифы, отбив нападение

конницы, поворачивали назад из страха перед пехотинцами. Подобные же нападения скифы производили и по ночам.

 129. Теперь я расскажу о весьма удивительном явлении, которое благоприятствовало персам и мешало скифам при их нападениях на стан Дария, именно о реве ослов и о виде мулов. Ведь, как я уже раньше заметил, во всей Скифской земле из-за холодов вообще не водятся ослы и мулы. Поэтому то ослиный рев приводил в смятение скифскую конницу. Нередко во время нападения на персов скифские кони, заслышав ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не слыхивали таких звуков и не видывали подобной породы животных. Впрочем, это обстоятельство лишь короткое время помогало персам на войне.

 130. Скифы же, замечая замешательство персов, поступали следующим образом, стараясь как можно дольше удержать персов в своей стране и терзая их нуждой и лишением всего необходимого. Скифы оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами уходили в другое место. Персы же приходили, захватывали скот, каждый раз при этом гордясь своей удачей.

 131. Это повторялось часто, пока, в конце концов, Дарий не оказался в затруднительном положении.

Скифские цари, проведав об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

132. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как де мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснял смысл даров так: "Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскакете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами".

133. Так персы стремились разгадать значение даров. Между тем один отряд скифов, прежде стоявший на страже у Меотийского озера, отправился к Истру для переговоров с ионянами. Придя к мосту [на Истру], скифы обратились к ионянам с такими словами: "Ионяне! Мы

принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать. Мы узнали, что Дарий повелел сжечь мост только 60 дней и если он за это время не придет, то вы должны вернуться на родину. И вот если вы теперь так и поступите, то не привинитесь ни перед царем, ни перед нами. Обождите указанное вам число дней и после этого отплывайте на родину". Ионяне обещали исполнить просьбу скифов, и те тотчас поспешили назад.

134. После принесения даров царю оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: "Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой". На это Гобрий ответил: "Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как

мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого нибудь гибельного для нас решения”.

 135. Такой совет дал Гобрий. Когда настала ночь, Дарий начал приводить его в исполнение. Слабосильных воинов из тех людей, потеря которых была для него наименее важной, а также всех ослов на привязи царь оставил на месте в лагере. Ослов царь оставил, чтобы те ревели, а людей – из-за их немощи, под тем предлогом, однако, что он намеревается с отборной частью войска напасть на скифов; слабосильные же должны де в это время охранять стан. Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежнего. Скифы же, слыша ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане.

 136. На следующий день оставленные в стане персы поняли, что Дарий предал их. Простирая руки к скифам, они стали молить о пощаде и рассказали им все, что произошло. Услышав это, скифы поспешно обединили свои силы, именно два отряда скифов (один отряд вместе с савроматами и другой с будинами и гелонами), и начали преследование персов прямо к Истру. Персидское войско

большей частью состояло из пехотинцев и не знало дороги (хотя проезжих дорог там и не было), а скифы были на конях и знали кратчайший путь [к Истру]. Поэтому оба войска разошлись, и скифы пришли к мосту гораздо раньше персов. Когда скифы увидели, что персов еще нет, они обратились к ионянам, которые находились на своих кораблях, с такими словами: “Ионяне! Назначенное вам [для ожидания] число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступаете неправильно. Ведь вы только страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушьте переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А Вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придется выступать походом против какого-нибудь народа”.

137. Ввиду этого ионяне стали держать совет. Афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, что на Геллеспонте, подал совет послушаться скифов и освободить Ионию[81]. Гистией из Милета, напротив, был другого мнения. По его словам, каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество Дария будет сокрушено, то ни сам он – Гистией – и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочитает народное правление господству тирана. К этому мнению Гистией тотчас же присоединились все участники

совещания, хотя раньше соглашались с мнением Мильтиада.

138. Вот имена тех, кто принимал участие в этом голосовании ионян, бывших в милости у царя: тираны геллеспонтийцев Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Ламисака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византии. Это были тираны городов на Геллеспонте. Из Ионии же были: Стратис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи, Гистией из Милемта, который подал мнение против Мильтиада. Из эолийских тиранов присутствовал только один значительный человек – Аристагор из Кимы.

139. Приняв совет Гистиея, ионяне решили, кроме того, дополнить его следующими действиями и словами: разрушить мост со стороны скифов, и притом только на расстоянии полета стрелы, чтобы скифам казалось, несмотря на бездейственность ионян, что те что-то делают, и для того, чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту через Истр. Разрушая мост со скифской стороны, ионяне хотели показать скифам, что выполняют все их желания. Такое дополнение к совету Гистиея приняли ионийские тираны. После этого от имени всех Гистией ответил скифам так: “Вы, скифы, пришли с добрым советом и своевременно. Вы указали нам правильный путь, и за это мы готовы ревностно служить

вам. Ведь, как вы видите, мы уже разрушаем переправу и будем всячески стараться добыть свободу. Между тем, пока мы разбираем мост, вам как раз время искать персов и, когда вы их найдете, отомстите за нас и за себя, как они того заслуживают”.

140. Скифы снова повернули в правдивость ионян и повернули назад на поиски персов. Однако им совершенно не удалось найти путь [персов]. Виноваты в этом были сами скифы, так как они то и уничтожали в этой стороне конские пастбища и засыпали источники. Не сделай они этого, при желании им легко было бы найти персов; теперь же не удалось именно тот их план, который они считали самым разумным. В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и враги отступают теми же путями. Однако персы шли, держась ранее проложенных ими троп, и только таким образом (да и то с трудом) нашли переправу. До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов обял страх, что они покинуты ионянами.

141. В свите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и кликнуть милемянина Гистиеса. Египтянин так и сделал. Гистией же по первому зову его

доставил все корабли для переправы войска и снова навел мост.

 142. Так персы были спасены. Скифы же в поисках персов потерпели неудачу. С тех пор скифы считают ионян, поскольку те были свободными людьми, самыми жалкими трусами из всех людей, а как рабов весьма преданными своему господину и наименее склонными к побегу. Так скифы издевались над ионянами.

 143. Следуя через Фракию, Дарий прибыл в Сест на Херсонесе. Отсюда сам царь на кораблях переправился в Азию, а в Европе оставил полководцем перса Мегабаза. Некогда Дарий оказал Мегабазу великую честь среди персов таким отзывом о нем: Дарий собирался есть плоды граната, и, как только разрезал первый плод, брат царя Артабан спросил его: "Чего бы царю хотелось иметь в таком же количестве, сколько зерен в плоде граната?". На это Дарий отвечал, что предпочитает иметь столько людей, подобных Мегабазу, чем быть владыкой Эллады. Таким отзывом царь некогда почтил Мегабаза среди персов, а теперь оставил полководцем во главе 80 тысячного войска.

 144. Этот то Мегабаз навеки оставил о себе память среди геллеспонтийцев следующим замечанием. В Византии Мегабаз как-то узнал, что калхедоняне

поселились в этой стране на семнадцать лет раньше византийцев. Услышав об этом, он сказал, что калхедоняне тогда были слепцами. Ведь не будь они слепы, они не нашли бы худшего места для своего города, когда у них перед глазами было лучшее. Итак, этого то Мегабаза Дарий оставил полководцем на Геллеспонте, и он покорил все города, еще не подвластные персам.

145. Такие дела совершил Мегабаз. В это самое время другое великое войско выступило в поход на Ливию по причине, о которой я упомяну потом. Сначала я расскажу следующее[82]. Потомки аргонавтов были изгнаны пеласгами, которые похитили афинских женщин из Браврона, с Лемноса. Они прибыли оттуда морским путем в Лакедемон, расположились станом на горе Тайгет и зажгли огни. Увидев огни, лакедемоняне послали вестника спросить: кто они и откуда. На вопрос вестника пришельцы отвечали, что они минийцы, потомки героев аргонавтов, которые высадились на Лемносе и стали их родоначальниками. Услышав этот рассказ о происхождении минийцев, лакедемоняне вновь отправили вестника спросить, зачем те прибыли в их страну и зажгли огни. Тогда пришельцы сказали, что их изгнали пеласги и они прибыли назад в землю своих отцов. На это у них ведь есть полное право. Они просят, однако, позволения жить среди лакедемонян. Лакедемоняне решили принять минийцев на

предложенных теми условиях. А побудило их решить так главным образом то, что Тиндариды участвовали в походе аргонавтов. Таким образом, лакедемоняне приняли к себе этих минийцев, дали им земельные наделы и распределили по филам. После этого минийцы тотчас же взяли себе в жены [спартанок], а привезенных с собой с Лемноса дочерей и сестер выдали замуж за лакедемонян.

146. Спустя немного времени минийцы стали держаться высокомерно, требовали себе долю в царской власти и совершали разные другие недостойные поступки. Тогда лакедемоняне решили передбить минийцев: схватили их и бросили в темницу. Осужденных на казнь лакедемоняне всегда казнят ночью, а днем – никого. Итак, когда минийцев собирались уже умертвить, жены их – коренные лакедемонянки и дочери знатнейших спартанцев – попросили позволения переговорить каждая со своим мужем. Лакедемоняне пропустили их, не ожидая никакого коварства. Женщины же, войдя в темницу, поступили так: всю свою одежду они отдали мужьям, а сами надели мужское платье. Минийцы вышли из темницы, переодетые в женскую одежду, как их жены. Ускользнув таким образом из города, они вновь разбили стан на Тайгете.

147. В это самое время Фера, сын Автесиона, внук Тисамена, правнук Ферсандра, праправнук Полиника, как раз собирался вывести колонию из Лакедемона. Этот Фера

происходил из рода Кадма и был дядей по матери сыновей Аристодема – Еврисфена и Прокла. Во время несовершеннолетия последних Фера (как их опекун) был царем Спарты. Племянники между тем выросли и сами вступили на престол. Фера же, обиженный тем, что ему теперь приходится подчиняться другим (ведь сам он уже вкусила власть), объявил, что не останется в Лакедемоне, а отправится морем к своим родственникам. На теперешнем острове Фера, который прежде назывался Каллистой, обитали потомки финикиянина Мемблаира, сына Пойкила. Ведь Кадм, сын Агенора, в поисках Европы высадился на острове, ныне называемом Ферой. Полюбилась ли ему эта земля или же он захотел поступить так по другим причинам, но он оставил на острове несколько финикиян[83], в том числе одного своего родственника – Мемблаира, сына Пойкила. Восемь человеческих поколений жили финикияне на острове Каллиста, пока Фера не прибыл туда из Лакедемона.

148. К этим то финикиям отправился Фера с людьми из разных спартанских фил. Он хотел жить вместе с ними в дружбе и вовсе не изгонять их. В это время минийцы бежали из темницы и разбили стан на Тайгете. Лакедемоняне угрожали им смертью, но Фера упрашивал сограждан не проливать крови и обещал вывести минийцев из страны. Лакедемоняне уступили его

просьбам. Тогда Фера отплыл на трех 30 весельных кораблях к потомкам Мемблиара. Он взял с собой, однако, не всех минийцев, но лишь немногих. Большая же часть минийцев обратилась против парореатов и кавконов и изгнала их из страны. Сами же они разделились на шесть частей и впоследствии основали города: Лепрей, Макист, Фриксы, Пирг, Эпий и Нудий. Большинство этих городов уже в мое время разрушено элейцами. Остров же по имени основателя колоний был назван Ферой.

149. Сын Феры не захотел, однако, плыть вместе с отцом. Поэтому отец сказал, что покидает его как овцу среди волков. От этого отцовского изречения и произошло Имя юноши Эолик, и это имя осталось за ним. Сыном Эолика был Эгей, по имени которого называются Эгейды – многочисленная филя в Спарте. У мужчин этой филы дети не выживали, поэтому они воздвигли по повелению оракула святилище Эриниям Лая и Эдипа. С тех пор дети эгейдов стали выживать [как в Спарте, так] и на острове Фера.

150. До сих пор рассказ лакедемонян и ферейцев совпадает. Продолжение же этой истории сообщают только одни ферейцы. Согласно ферейцам, дело было вот как. Потомок этого Феры – Гринн, сын Эсания, царь острова Феры, прибыл в Дельфы принести от имени своего города гекатомбу[84]. Сопровождали его несколько ферейских граждан, и среди них Батт, сын Полимнеста,

миниец из рода Евфема. Когда царь ферейцев Гринн стал вопрошать оракул о различных делах, Пифия повелела основать город в Ливии[85]. Царь отвечал на это: “Владыка! Я уже старик, и мне слишком тяжело отправиться в путь. Повели это сделать кому-нибудь из более молодых людей здесь”. Этими словами царь указал на Батта. Затем больше ничего не произошло, но по возвращении на родину царь и его спутники пренебрегли изречением оракула: они не знали, где находится Ливия, и не решились наудачу отправить поселенцев.

151. После этого бог семь лет не посыпал дождя на Феру, и на острове засохли все деревья, кроме одного. Тогда ферейцы спросили об этом оракул, и Пифия вновь повелела выслать колонию в Ливию. Ферейцы не знали, как им избавиться от беды, и поэтому послали на Крит[86] вестников разузнать, не бывал ли в Ливии какой-нибудь критянин или чужеземец, живший на Крите. Вестники бродили по острову с места на место и под конец пришли в город Итану. Там повстречался им ловец, багрянок[87] по имени Коробий, который рассказал, что однажды был отнесен бурей в Ливию, именно к острову Платея у ливийского берега. Ферейцы подрядили Коробия за деньги и повезли его на остров Феру. Затем с Феры отплыли на разведку сначала лишь несколько человек. Когда Коробий привез их на этот остров Платею, ферейцы оставили его

там, дав запас продовольствия на несколько месяцев. Сами же поспешно отплыли назад, чтобы рассказать согражданам об острове.

152. Ферейцы, однако, отсутствовали дольше условленного времени, и у Коробия истощился весь запас продовольствия. Вскоре после этого самосский корабль, шедший в Египет (владельцем корабля был Колей), был отнесен к этому острову. Узнав от Коробия всю его историю, самосцы оставили ему продовольствия на целый год. Сами же они снова вышли с острова в открытое море и направились в Египет. Однако восточным ветром их отнесло назад, и так как буря не стихала, то они, миновав Геракловы Столпы, с божественной помощью прибыли в Тармесс. Эта торговая гавань была в то время еще не известна эллинам. Поэтому из всех эллинов самосцы получили от привезенных товаров по возвращении на родину (насколько у меня об этом есть достоверные сведения) большие всего прибыли, исключая, конечно, Сострата, сына Лаодаманта, эгинца (с ним то ведь никто другой в этом не может состязаться). Самосцы посвятили богам десятую часть своей прибыли – 6 талантов – и велели изготовить медный сосуд вроде арголийского кратера. Вокруг чаши по верхнему краю был словно венец из голов грифонов. Этот то сосуд они принесли в дар в храм Геры, установив его на подпорках в

виде трех огромных коленопреклоненных бронзовых статуй в 7 локтей высотой. Этот благородный поступок самосцев послужил первым основанием тесной дружбы с ними киренцев и ферейцев.

153. Оставив Коробия на острове Платея, ферейцы между тем снова прибыли на Феру с вестью о том, что они заняли остров у ливийских берегов. Ферейцы решили отправить туда по жребию от всех семи общин на острове по одному из двоих братьев, а предводителем и царем выбрали Батта. Затем они послали на Платею два 50 весельных корабля.

154. Таков рассказ ферейцев, и относительно дальнейших событий киренцы также согласны с ними. Что же касается истории Батта, то киренцы передают ее совершенно иначе, а именно так. Есть на Крите город Оакс. Царствовал там Этеарх; у него была дочь по имени Фронима. После смерти жены царь ради дочери, лишившейся матери, женился вновь. Войдя в царский дом, эта женщина захотела быть и действительно стала мачехой для Фронимы: она дурно обращалась с падчерицей, строила ей всяческие козни и, наконец, обвинила в распутстве, причем сумела убедить в этом даже своего мужа. По наущению жены царь задумал страшное злодеяние против дочери. Жил в Оаксе в то время купец из Феры по имени Фемисон. Этого то Фемисона Этеарх пригласил как

гостя во дворец, и заставил поклясться, что том окажет любую услугу, какую от него попросят. После того как купец дал клятву, царь велел привести и передал ему свою dochь с приказанием на обратном пути бросить в море. Фемисон был страшно возмущен тем, что его обманом заставили принести клятву. Он порвал дружбу с царем и затем поступил так: уезжая с Крита, он взял царскую dochь с собою. В открытом море, чтобы выполнить данную клятву, купец связал девушку веревками и бросил в море, затем опять вытащил на борт корабля и вместе с ней прибыл на Феру.

155. Там один знатный фереец, Полимнесий взял Фрониму к себе в дом и сделал своей наложницей. Спустя несколько времени у нее родился заикающийся и шепелявящий мальчик. Ребенок, как передают ферейцы и киренцы, был назван Баттом. Я думаю, однако, что [первоначально] у него было другое имя, а Баттом его стали звать лишь после прибытия в Ливию: он получил это имя именно в силу изречения дельфийского оракула и от царского сана, которым он был облечен. [И действително] ведь ливийцы царя называют “баттос”, и поэтому, думается мне, Пифия, изрекая пророчество, называла его по ливийски царем, так как знала, что он будет царем в Ливии. Когда Батт вырос и прибыл в

Дельфы за советом о своей [занкающейся] речи, Пифия ответила ему так:

Батт, ты пришел ради речи, Феб же, Владыка Аполлон, в Ливию, агнцев кормящую, шлет поселенцем тебя.

На эллинском языке Пифия сказала бы так: "О царь! Ты пришел ради речи". Батт же ответил такими словами: "Владыка! Я пришел вопросить тебя о моей речи, а ты возлагаешь на меня другую невозможную задачу, приказывая вывести поселение в Ливию. Но с каким войском? С какими людьми?". Этим ответом он, однако, не убедил Пифию дать ему другое пророчество. Пифия повторила свое предсказание, и Батт еще во время изречения пророчества возвратился на Феру.

156. После этого Батта и прочих ферейцев вновь постигли [разные] невзгоды. Не ведая причины этого, ферейцы послали в Дельфы вопросить оракул. Пифия ответила, что наступит облегчение, если они во главе с Баттом заложат основание Кирены в Ливии. Тогда ферейцы отправили Батта с двумя 50 весельными кораблями. Корабли отплыли в Ливию, но Батт и его спутники не знали, что им предпринять, и снова возвратились на Феру. Ферейцы же начали метать в них стрелы, не позволяя пристать к берегу, и приказывали плыть обратно. Тогда переселенцы были вынуждены снова

выйти в море и затем высадились на острове у ливийского берега под названием, как уже было упомянуто, Платея. Остров этот, говорят, равен величиной нынешнему городу Кирене.

 157. Здесь они жили два года. Ничего хорошего, однако, и здесь с ними не произошло, и все они, оставив лишь одного человека, отплыли оттуда в Дельфы. По прибытии они спросили оракул, объявив, что, хотя они и поселились в Ливии, но дела у них отнюдь не лучшие. В ответ Пифия изрекла им вот что:

Ведаешь лучше меня кормящую агнцев Ливию,
В ней не бывав. Мне же, бывшему там, дивна твоя
мудрость безмерно.

Услышав такой ответ оракула, Батт со спутниками отплыли назад. Ведь бог, очевидно, не освобождал их от обязанности основать поселение, пока они не достигнут самой Ливии. Они прибыли к острову и затем, захватив с собой оставленного там человека, основали поселение в самой Ливии против острова. Местность эта называлась Азирида. С двух сторон она окаймлена прекрасными лесными долинами, а вдоль третьей протекает река.

 158. В этих краях поселенцы жили шесть лет. На седьмой год ливийцы вызвались привести их в еще лучшее место и убедили покинуть эту область. Тогда ливийцы

повели поселенцев оттуда, побудив двинуться на запад. Для того чтобы эллины не видели самой красивой местности, ливийцы проводили их ночью мимо, соответственно вычисляя точное время сумок. Называется это место Ираса. Затем ливийцы привели поселенцев к источнику[88], будто бы посвященному Аполлону, и сказали: “Эллины! Здесь вы должны поселиться, ибо небо тут в дырках”.

159. При жизни основателя поселения Бамта, правившего сорок лет, и за шестнадцать лет царствования сына его, Аркесилая, численность киренцев оставалась столь же небольшой, как и в начале переселения. При третьем же царе, прозванном Бамтом Счастливым, Пифия побудила изречением оракула всех эллинов отплыть в Ливию и поселиться там вместе с киренцами. Ибо киренцы приглашали к себе поселенцев, обещая переделить землю. Изречение оракула гласило так:

**Кто слишком поздно придет в Вожделенную Ливии землю,
После раздела земли, пожалеть тому горько придется.**

Итак, в Кирену собралось очень много людей, которые принялись отнимать у соседних ливийцев большие участки земли. Тогда ограбленные и смертельно обиженные ливийцы[89] и царь их по имени Адикран отправили послов в Египет и отдались под защиту египетского царя

Априя[90]. А том собрал большое египетское войско и послал его против Кирены. Киренцы же, выступив походом в местность Ирасу и к источнику Феста, напали на египтян и в сражении одержали победу. Египтянам ведь никогда прежде не случалось иметь дела с эллинами. Они относились к последним с пренебрежением и теперь потерпели столь страшное поражение, что лишь немногим из них удалось спастись в Египет. Виновником своего поражения египтяне считали Априя и в отмстку подняли против него мятеж.

160. Сыном этого Батта был Аркесилай. Став царем, он сначалассорился со своими братьями, пока те не покинули Кирену. Они удалились в другую местность Ливии и там на свой страх и риск основали город, который носил название Барка (и еще теперь так называется). Во время основания города братья подстрекали ливийцев восстать против Кирены. После этого Аркесилай пошел походом против ливийских племен, которые приняли его братьев, и на самих мятежников. В страхе перед ним ливийцы бежали в область восточных ливийских племен. Аркесилай преследовал беглецов до местности Левкон. Там ливийцы решили напасть на него. В сражении киренцы были разбиты наголову: 7000 их гоплитов осталось на поле боя. После этой неудачи Аркесилай занемог. Когда царь выпил лекарственного

снадобья, его задушил брат Леарх. Леарха же коварно умертвила жена Аркесилая по имени Эриксо.

 161. Наследовал царство Аркесилая его сын Батт. Он был хромой и едва мог стоять на ногах. Киренцы же послали в Дельфы вопросить оракул из-за постигшего их несчастья: при каком государственном устройстве лучше всего им жить. Пифия велела им пригласить посредника из Мантии в Аркадии. По их просьбе мантийцы послали к ним самого уважаемого из своих граждан по имени Демонакт. По прибытии в Кирену посредник познакомился с положением дел в городе и разделил население на три филы так: первая часть состояла из ферейцев и их соседей, вторая – из пелопоннесцев и критян, а третья включала всех островитян. Затем он выделил царю Батту царские [земельные] владения и жреческие доходы, а все остальное, что принадлежало прежде царю, сделал достоянием народа[91].

 162. Такие порядки продолжали существовать при жизни этого Батта. Однако уже в царствование его сына Аркесилая начались сильные смуты из-за царских [прав] и преимуществ. Ибо Аркесилай, сын Батта Хромого и Феретимы, заявил, что не желает выносить порядков, установленных мантийцем Демонактом, и потребовал возвратить ему преимущества и владения его предков. В произошедшей затем междуусобной борьбе Аркесилай

померил поражение и бежал на Самос, а его мать – в Саламин на Кипре. На Саламине царствовал тогда Евельфонт. Он посвятил в Дельфы замечательную кадильницу, находящуюся в сокровищнице коринфян. Феретима прибыла к Евельфонту и стала просить у него войска, чтобы вернуться с сыном в Кирену. Евельфонт же давал ей все что угодно, кроме войска. Принимая подарки, Феретима говорила, что и этот дар прекрасен, но все же было бы лучше, если бы царь исполнил ее просьбу и дал войско. Так как те же самые слова повторялись при каждом новом подарке, то Евельфонт, в конце концов, выслал ей в дар золотую прялку, веремено и шерсть для пряжи. Феретима и на этот раз повторила все те же слова. Тогда Евельфонт сказал, что именно такие подарки, а не войско надо посыпать женщинам.

163. Между тем Аркесилай (он находился в то время на Самосе) начал набирать всевозможных людей для передела земли. Набрав большое войско, он послал в Дельфы вопросить оракул о своем возвращении. Пифия дала царю такой ответ: “При четырех Баттах и четырех Аркесилаях Локсий позволяет вам царствовать в Кирене. А дальше он не советует вам посягать на царство. Сам ты можешь спокойно возвратиться домой. Если ты найдешь печь, полную амфор, то не обжигай амфор, но отсыпай их такими, как есть. Если же будешь обжигать,

то не вступай в окруженнное водой место, иначе и сам умрешь и погибнет самый красивый бык в твоем стаде”.

164. Такой оракул изрекла Аркесилаю Пифия. А том возвратился в Кирену с людьми, набранными на Самосе. После захвата власти Аркесилай забыл, однако, об оракуле: он начал преследовать судом виновников своего изгнания. Некоторые из них были вынуждены навсегда покинуть страну, другие попали в руки Аркесилая, и он отправил их на Кипр для казни. Однако [на пути] их ветром отнесло к Книду, и кидяне освободили пленников и отослали на Феру. Некоторым киренцам удалось найти убежище в большой башне, принадлежавшей Агломаху. Аркесилай же приказал навалить вокруг башни кучу дров и поджечь. Когда все уже было кончено. Аркесилаю пришло на ум, что оракул относится к этому [злодеянию]: ведь Пифия запрещала ему обжигать амфоры, которые он найдет в печи. В страхе от предреченной ему смерти Аркесилай решил тогда добровольно покинуть город киренцев: он считал Кирену “окруженным водой местом”. Женат он был на своей родственнице, дочери царя Барки Алаизира. К нему то прибыл Аркесилай, и там его убили баркейцы и некоторые изгнанники из Кирены. Они умертвили его вместе с тестем Алаизиром. Аркесилай не избегнул своей участии, так как умышленно или ненароком пренебрег изречением оракула.

165. Пока Аркесилай жил в Барке, где сам навлек на себя беду, его мать Феретима занимала в Кирене почетное положение, подобающее ее сыну, и, между прочим, заседала даже в совете[92]. Узнав о смерти сына в Барке, она бежала и скрылась в Египте. Аркесилай offered услуги Камбису, сыну Кира. Ведь это Аркесилай выдал Камбису Кирену и платил ему подать. Прибыв в Египет, Феретима бросилась как просительница к ногам Арианда с мольбами о помощи. При этом она уверяла, что сын ее погиб из-за дружбы с персами.

166. Этого то Арианда Камбис поставил сатрапом Египта. Впоследствии он погиб, вздумав сравниться с Дарием. Именно, когда он услышал и увидел, что Дарий желает оставить памятник, какого еще ни один царь не воздвигал себе, сатрап захотел подражать царю, пока за это его не постигла кара. Ведь Дарий велел переплавлять для чеканки монет насколько возможно самое чистое золото[93]. То же самое, будучи сатрапом Египта, стал делать Арианд с серебряной монетой. Ибо и поныне еще Ариандово серебро – самое чистое. Дарий узнал об этом и велел умертвить сатрапа, выставив против него другое обвинение, именно, что тот замышляет восстание.

167. Но тогда из жалости к Феретиме этот Арианд предоставил ей все египетские военные силы как сухопутные, так и морские. Начальником войска он

назначил Амасиса из Марафииев, а во главе флота поставил Бадра родом из Саргаса. Еще до похода Арианд послал вестника в Барку узнать, кто убил Аркесилая. Баркейцы же все приняли на себя вину [за убийство], ибо потерпели от него много зла. Услышав это, Арианд отправил против них войско вместе с Феретимой. Это было, однако, только словесным предлогом. Действительной же причиной похода, как я думаю, было завоевание Ливии. Ведь в Ливии живет множество разных племен, и только немногие из них подчинялись царю, большинство их вообще не обращало внимания на Дария.

168. Ливийцы обитают [в своей стране] в следующем порядке: начиная от Египта, первое ливийское племя – адирмахиды. Обычаи у них большей частью египетские, а одежда – такая же, как у других ливийцев. Женщины их носят на обеих ногах по медному кольцу и отращивают длинные волосы на голове. Поймав вонь, они кусают ее в свою очередь и затем отбрасывают. Так поступают из всех ливийцев только они одни, и только у них существует обычай предлагать царям своих девушек на выданье. А царь тех девушек, которые ему больше всего любы, лишает невинности[94]. Эти адирмахиды обитают в местности от Египта до гавани под названием Плин.

169. За ними следуют гилигамы, занимающие местность к западу до острова Афродисиада. А в

промежутке [между этими областями] лежит остров Платея, заселенный киренцами, и на материке – гавань Менелая и местность Азирида, где киренцы основали свой город. Отсюда идет [область, где произрастает] сильфий[95]. А растет сильфий от острова Платеи до устья Сирта[96]. Обычаи гилигамов подобны обычаям других племен.

170. К гилигамам на западе примыкают асбисты. Они живут южнее Кирены. Область их, однако, не доходит до моря, так как побережье владеют киренцы. Среди ливийцев они большие всех любят править четверками коней и вообще стараются подражать обычаям киренцев.

171. С асбистами на западе граничат авсхисы. Живут они в области за Баркой и доходят до моря у Евесперида. В центре страны авсхисов живут бакалы – маленькое племя, область которого тянется до моря у Тавхир, города в Барке. Обычаи их те же, что и у ливийцев, живущих за Киреной.

172. За этими авсхисами на западе идет многочисленное племя насамонов. Летом они оставляют свой скот на морском побережье и уходят на сбор фиников в глубь страны, в местность Авгилы. Там растет множество огромных пальм, которые все плодоносят. Насамоны также ловят саранчу, сушат ее на солнце,

размалывают и затем всыпают в молоко и [в таком виде] пьют. У каждого насамона обычно много жен, которые являются общими. Сходятся же они с женщинами приблизительно так, как массажисты: ставят палку перед дверью и затем совокупляются с женщиной. Когда насамон женится в первый раз, то, по обычаю, молодая женщина должна в первую же ночь по очереди совокупляться со всеми гостями на свадьбе. Каждый гость, с которым она сходится, дает ей подарок, принесенный с собой из дома. Обычай же их при клятвах и гаданиях вот какие: они приносят клятвы, упоминая самых справедливых и доблестных мужей древности, и при этом возлагают руки на их могилы. Для гадания они также приходят к могилам предков и, помолившись, ложатся спать на могиле. И всякому сновидению гадающий верит. Дружеские же союзы они заключают так: один дает пить другому из [своей] руки, и сам пьет из его руки. Если под руками нет никакой жидкости, то берут с земли щепотку пыли и лижут ее.

173. Соседи насамонов псиллы. Племя это погибло вот таким образом: южный ветер дул с такой силой, что водоемы [у них] высохли и вся страна, лежащая внутри [Сирта], стала совершенно безводной. Тогда псиллы единодушно решили идти войной против южного ветра (я сообщаю только то, что передают ливийцы). И когда они оказались в песчаной пустыне, поднялся южный ветер и

засыпал их песком[97]. После гибели псиллов землей их владеют насамоны.

 174. Еще дальше к югу от насамонов, в стране диких зверей[98], живут гараманты, которые сторонятся людей и избегают всякого общения. У них нет никакого оружия ни для нападения, ни для защиты.

 175. Это племя живет к югу от насамонов. На западе по морскому побережью обитают маки. Они стригут волосы на голове, оставляя чубы: на макушке они отращивают волосы, а по сторонам сбирают до самой кожи. На войне они носят для защиты страусовую кожу. Через их землю протекает река Кинип. Она берет начало с так называемого холма Харит и впадает в море. Холм же этот порос густым лесом, тогда как остальная вышеописанная [часть] Ливии совершенно лишена растительности. От моря холм находится в 200 стадиях.

 176. Далее за этими маками следуют гинданы. У них все женщины носят множество кожаных колец на лодыжке и, как говорят, вот почему: каждый раз после совокупления с мужчиной женщина надевает себе такое кольцо. Женщина, у которой наибольшее число колец, считается самой лучшей, так как у нее было больше всего любовников.

 177. На побережье перед этими гинданами обитают лотофаги. Они питаются исключительно плодами

ломоса[99]. Величиной же [плод ломоса] приблизительно равен плоду масликового дерева, а по сладости несколько похож на финик. Ломофаги приготовляют из него также вино.

178. Далее на побережье живут махлии; [и они] также едят ломос, но не в таком количестве, как упомянутые только что ломофаги. Земля же их простирается до большой реки под названием Тритон. А река эта впадает в большое озеро Тритонида[100]. На озере есть остров под названием Фла. На этом то озере, как говорят, оракул повелел лакедемонянам основать поселение.

179. Впрочем, существует еще и другое сказание. Когда Ясон завершил у подошвы Пелиона постройку своего корабля "Арго", он погрузил на борт его кроме гекатомбы еще и медный треножник. Затем герой поплыл вокруг Пелопоннеса, чтобы прибыть в Дельфы. На пути у Малеи корабль подхватил северный ветер и отнес к Ливии. Не успел Ясон еще увидеть землю, как очутился на мели озера Тритониды. Когда герой недоумевал, как найти выход, продолжает сказание, явился Тритон и потребовал отдать ему треножник. За это, сказал бог, он покажет аргонавтам проход и отпустит их невредимыми. Ясон послушался, и Тритон показал ему, [как сойти с мели], а треножник поставил в своем святилище. Восседая на этом

треножнике, Тритон изрекал предсказания о будущем Ясону и его спутникам: если один из потомков, плававших с ним на “Арго” героев, привезет домой этот треножник, тогда непременно вокруг озера Тритониды возникнет сто эллинских городов. Услышав это предсказание, местные ливийцы спрятали треножник.

180. За этими махлиями идут авсеи. Эти последние, как и махлии, живут вокруг озера Тритониды, и река Тритон образует границу между ними. Махлии отращивают себе волосы на голове сзади, а авсеи – спереди. На ежегодном празднике Афины девушки их, разделившись на две партии, сражаются друг с другом камнями и палками[101]. По их словам, они исполняют древний отеческий обычай в честь местной богини, которую мы называем Афиной. Девушек, которые умирают от ран, они называют лжедевушками. Еще до окончания боя народ поступает так: девушку, которая сражалась храбрее всех, народ украшает коринфским шлемом, облачает в эллинские доспехи и, посадив на колесницу, возит вокруг озера. Чем они украшали своих девушек в древнее время, до основания у них эллинских поселений, я не могу сказать, но, видимо, все же египетским оружием. Ведь, как мне думается, даже щит и шлем эллины заимствовали из Египта[102]. Афину же они считают дочерью Посейдона и богини озера Тритониды.

Поссорившись со своим отцом, она предалась Зевсу, и том принял ее как свою дочь. Так они рассказывают.

Совокупляются же они с женщинами сообща, не вступая в брак, но сходятся подобно скоту. Если у женщины родится вполне крепкий ребенок, то спустя три месяца мужчины собираются вместе, и том, на кого он похож, считается его отцом.

181. Это – перечисленные мною прибрежные кочевые ливийские племена[103]. За ними во внутренней части страны начинается область Ливии, где много диких зверей, а за ней лежит холмистая песчаная пустыня, простирающаяся [вдоль побережья] от египетских Фив до Геракловых Столпов. В этой пустыне приблизительно на расстоянии десяти дней пути друг от друга встречаются на холмах огромные глыбы соли. На вершине каждого холма изнутри соляной глыбы бьет ключом источник холодной пресной воды[104]. Вокруг этого соляного холма со стороны пустыни и к югу от области диких зверей еще обитают самые отдаленные ливийские племена. Сначала идут яммонии в десяти днях пути от Фив со святилищем Зевса Фиванского. Ведь, как я уже сказал выше[105], статуя Зевса в Фивах имеет также баранью голову. У аммониев есть и другой источник воды. Утром эта вода тепловатая, около времени, когда рынок наполняется народом она становится холоднее, а в полдень –

совершенно холодной[106]. Тогда они поливают свои сады. Когда день идет уже к концу, вода делается менее холодной, а после захода солнца вновь становится тепловатой. До полуночи вода делается все более и более горячей: тогда она кипит и клокочет. После полуночи и до зари вода постепенно остывает. Источник этот называется Солнечным.

182. От области аммониев, пройдя далее по холмистой пустыне еще десять дней пути, придешь опять к такому же соляному холму, как у аммониев, и к источнику. И вокруг этого источника живут люди. Местность эта называется Авгилы. Сюда приходят насамоны для сбора фиников.

183. Далее в десяти днях пути от Авгил – опять соляной холм с источником и множеством плодоносных финиковых пальм, как и в других оазисах[107]. Там обитают люди по имени гараманты (весьма многочисленное племя). Они насыпают на соль землю и потом засевают. Отсюда – кратчайший путь к лотофагам, именно тридцать дней[108]. В земле гарамантов есть также быки, пасущиеся, пятаясь назад. Пасутся же они, пятаясь назад, вот почему. Рога у них загнуты вперед и из-за этого то они и пасутся, отступая назад; вперед ведь они не могут идти, так как упираются в землю рогами. В остальном они ничем не

отличаются от прочих быков, только кожа у них толще и на ощупь (мягче)[109]. Так вот, эти гардаманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах[110], запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы – самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители поедают змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой: они издают звуки, подобные писку летучих мышей[111].

184. Еще дальше, в десяти днях пути от гардамантов, находится другой соляной холм с источником. Около него также живет племя под названием атаганты – единственные, насколько я знаю, безымянные люди. Все они в совокупности носят имя атагантов[112], отдельные же люди – безымянны. Они проклинают беспощадно палящее солнце и осыпают его бранью за то, что солнечный зной губит людей и их землю. Далее еще через десять дней пути [приходим] опять к соляному холму с источником, вокруг которого также обитают люди. К этому то соляному холму примыкает гора под названием Атлас. Гора эта узкая и круглая[113] и, как говорят, так высока, что вершин ее не видно. Зимой и летом она постоянно покрыта облаками. Местные жители называют ее столпом неба, и от имени этой горы они и получили свое название. И действительно, их зовут атлантами.

Рассказывают [о них], будто они не едят никаких живых существ и не видят снов.

185. Названия племен, живущих в этой холмистой песчаной пустыне до атлантов, я могу перечислить, а дальше – уже нет. Как бы то ни было, эта холмистая песчаная пустыня простирается до Геракловых Столпов и даже еще дальше. Встречаются в пустыне через каждые десять дней пути все новые соляные копи и у них людские поселения. Жилища всех этих людей строятся из глыб каменной соли[114]. Эта часть Ливии совершенно не орошается дождями, в случае дождя ведь стены [хижин] из соли не могли бы выдержать. Добываемая там [из земли] соль с виду белого и пурпурного цвета. К югу от этой холмистой пустыни, т.е. еще далее в глубь страны, Ливия безлюдна, безводна, лишена зверей, безлесна и не орошается дождями, и нет там даже росы.

186. Итак, ливийские племена от Египта до озера Тритониды[115] – кочевники. Питаются они мясом и пьют молоко. Коровье мясо они, впрочем, не едят по той же самой причине, как и египтяне. Свиней они тоже не разводят. Даже и киренские женщины считают греховным есть коровье мясо из благоговейного страха перед египетской Исидой. В честь Исиды у них установлены посты и празднества. А баркейские женщины, кроме коровьего мяса, избегают есть еще и свинину.

187. Так обстоит дело там. А к западу от озера Тритониды ливийцы уже не кочевники, и обычаи у них иные, и с детьми они обращаются не так, как это принято у кочевников. Эти то ливийские кочевники – все ли они (я не могу утверждать достоверно), но, во всяком случае, многие – поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью[116] жилы на темени (а некоторые – даже на висках). [Это делается для того], чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей (впрочем, по этой ли именно причине, я точно сказать не могу). Во всяком случае – они самые здоровые люди. На случай судорог с ребенком во время прижигания у них есть лечебное средство: они окропляют ребенка козлиной мочой, и судороги проходят. Впрочем, я передаю только рассказы самих ливийцев.

188. Обычаи же при жертвоприношениях у этих кочевников вот какие. Сначала у жертвы отрезают кусок уха как начаток и бросают его через свой дом, а затем свертывают шею животному. Жертвы они приносят только солнцу и луне. Этим божествам совершают жертвоприношения все ливийцы, а жители области вокруг

озера Тритониды – главным образом Афине, а потом Тритону и Посейдону[117].

189. Одягие и эгиду на изображениях Афины эллины заимствовали у этих ливиянок. Только одежда ливиянок – кожаная, а подвески на эгиде – не змеи, а ремни, в остальном же одягие того же покроя. Даже и само название указывает на то, что одежда на изображениях Паллады ливийского происхождения[118]. Ведь ливиянки носят поверх одежды козьи шкуры без шерсти, отделанные бахромой и окрашенные мареной. Из этого то слова “айгес”[119] эллины и взяли [название] эгиды. Я думаю также, что громкие [призывные] вопли[120] [к божеству] при священнодействиях впервые возникли здесь: ведь ливиянки весьма искусные вопленицы. Так же и езде на четверке коней эллины научились от ливийцев.

190. Погребальные [обычаи] у кочевников (кроме насамонов) такие же, как у эллинов. Насамоны же хоронят покойников в сидячем положении. Когда умирающий испускает дух, они наблюдают, чтобы он умирал сидя[121], а не лежа на спине. Хижины их построены из асфоделиевых стеблей и переплетенных тростником циновок, и их можно переносить [с места на место][122]. Таковы обычай этих племен.

191. К западу от реки Тритона в пограничной с авселями областью обитают ливийцы пахари, у которых есть уже постоянные жилища. Имя этих ливийцев – максии. Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком. Говорят, будто они – выходцы из Трои[123]. В их земле, да и в остальной части Ливии к западу гораздо больше диких зверей и лесов, чем в области кочевников. Ведь восточная часть Ливии, населенная кочевниками, низменная и песчаная вплоть до реки Тритона. Напротив, часть к западу от этой реки, занимаемая пахарями, весьма гористая, лесистая, с множеством диких зверей[124]. Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи[125], ядовитые гадюки, рогатые ослы[126], люди песьеглавцы и совсем безголовые[127], звери с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливийцы), затем – дикие мужчины и женщины[128] и еще много других уже не сказочных животных.

192. В земле же кочевников вовсе нет таких зверей, но зато водятся вот какие: пигарги[129], зоркады[130], бубалиды[131] и ослы, но не рогатые, а иные, не пьющие воды[132] (и они, действительно, не пьют); затем ории[133] (из рогов их делают изогнутые грифы для лир): это животное величиной с быка; далее лисицы[134], гиены, дикобразы[135], дикие бараны[136], диктии[137], шакалы,

пантеры, бории, сухопутные крокодилы[138] (длиной до 3 локтей), весьма похожие на ящериц, страусы[139] и маленькие однорогие змеи[140]. Кроме того, в западной Ливии водятся и такие животные, которые встречаются и в других землях (кроме оленя и дикого кабана). Олени же и дикого кабана вовсе нет в Ливии. Мыши там трех пород: одни называются двуногие[141], другие – “зегерии” (ливийское слово, по эллински значит холм)[142], третьи – ежи. В зарослях сильфия живут ласки, очень похожие на таресских. Вот какое множество зверей водится в земле ливийцев кочевников, насколько я могу судить по обстоятельным расспросам.

193. С максиями граничат завеки, у которых женщины на войне правят колесницами.

194. За этими [завеками] далее идут гизанты. В их земле пчелы дают много меда, но еще больше, как говорят, его искусственно приготовляют мастера ремесленники. Все эти племена раскрашивают свое тело суриком и едят обезьян. Обезьян же там, в горах несметное количество.

195. Против земли гизантов лежит, по словам карфагенян, остров под названием Каравис длиной в 120 стадий и очень узкий. С материка он легко доступен и полон маслин и виноградных лоз. На нем есть озеро, где местные девушки добывают из ила золотой песок с

помощью обмазанных смолой птичьих перьев. Я не знаю, правда ли это, но записываю только то, что рассказывают. Впрочем, все может быть! Ведь я сам видел, как на Закинфе из озера и из источника добывали смолу[143]. Есть там [на Закинфе] также и много озер. Самое большое из них 70 футов в длину и ширину, а глубиной в 2 оргии. В это озеро опускают шест с привязанной на конце миртовой веткой, а затем извлекают [из воды] смолу на ветке. Смола эта имеет запах асфальта, но, впрочем, еще лучше пиерийской. Затем смолу выливают в яму, выкопанную близ озера. Когда яма наполнится, смолу разливают оттуда по амфорам. Предметы, попадающие в озеро, проходя под землей, появляются затем в море. А море находится в 4 стадиях от озера. Таким образом, и рассказ об острове у ливийского побережья, пожалуй, правдоподобен.

196. Карфагеняне же рассказывают еще вот что. Обитаемая часть Ливии простирается даже по ту сторону Геракловых Столпов. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки:

если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно неравноценно товарам, так же, как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота.

197. Это – ливийские племена, имена которых я знаю. Большинство их ни раньше не признавало власти персидского царя, ни теперь [во время похода]. Об этой части света я хочу еще заметить, что здесь живут четыре племени – не больше, насколько я знаю. Два из этих племен – коренные жители страны, а два других – нет. Ливийцы и эфиопы – коренные обитатели страны. Первые живут на севере, а последние – на юге. Финикияне же и эллины – пришельцы.

198. Я думаю, что Ливия не особенно плодородна и в этом ее нельзя сравнивать с Азией или Европой. Исключение составляет только местность Кинип, лежащая на одноименной реке. Эта местность по урожаю плодов Деметры не уступает самым плодородным странам [других частей света]. Она вовсе непохожа на остальную Ливию: земля ее черная, она орошается источниками и не

страдает ни от засухи, ни от чрезмерной влажности. В этой части Ливии ведь выпадают дожди[144]. Урожай хлеба там обычно столь же богат, как в Вавилонии. Плодородна также и область, занимаемая евасперитами. Она ведь в лучшие годы приносит урожай сам сто, а Кинипская земля – сам триста.

199. В Киренской области, самой возвышенной части Ливии, населенной кочевниками, бывает три разных времени жатвы, что весьма удивительно[145]. Сначала созревают [для жатвы] плоды на морском побережье. После уборки здесь урожая спелевшими хлебом внутри страны, в лежащей над морем так называемой холмистой местности. Когда убран и этот урожай, зреет и спелевшими хлебом на самых высоких местах внутри страны. Поэтому, когда первый урожай винограда и хлеба уже вынут и съеден, спелевшими хлебом последний. Таким образом, жатва продолжается у киренцев восемь месяцев. Но об этом довольно.

200. Когда персидское войско, посланное из Египта Ариандом на помощь Феретиме, прибыло в Барку, персы приступили к осаде города и потребовали выдачи виновников убийства Аркесилая. Но так как весь народ баркейцев был причастен к убийству, то горожане отвергли это требование. Осада Барки после этого продолжалась девять месяцев. Персы проложили подкопы до

городской стены и пытались взять город ожесточенными приступами[146]. Однако эти подкопы одному кузнецу удалось обнаружить при помощи обитого медью щита, именно вот таким образом. Обходя со щитом стены с внутренней стороны, кузнец прикладывал его к земле. Там, где не было подкопа, приставленный к земле щит не издавал звука, но там, где был подкоп, медь щита начинала звучать. Тогда баркейцы проложили встречный подкоп и перебили рывших землю персов. Так-то был обнаружен подкоп персов, а приступы баркейцы отбивали.

201. Так продолжалось долгое время, и с обеих сторон пало много воинов, и персов – даже больше. Тогда Амасис, начальник сухопутного войска, решив, что силой баркейцев не одолеть, а только хитростью, придумал вот что. Он приказал ночью выкопать широкий ров, положить поперек его тонкие доски, а поверх досок насыпать земли и затем сравнять с остальным грунтом. На рассвете Амасис предложил баркейцам вступить в переговоры. Баркейцы с радостью согласились, так как желали мира. Соглашение было заключено примерно такое. Персы поклялись над потайным рвом: пока земля эта остается нерушимой, нерушима и клятва. Баркейцы же обязались платить царю дань, а персы – больше не причинять им зла. После этой клятвы баркейцы, доверяя договору, не только сами Вышли из города, но и разрешили персам по желанию входить в

город и открыли все ворота. Персы же, разломав помост, скрывающий ров, ворвались в город. Разрушили же они этот помост для того, чтобы не преступить клятвы: они ведь поклялись баркейцам, что будут сохранять верность в клятве все время, пока земля остается такой, как была. После уничтожения помоста клятва потеряла силу.

202. После того как персы отдали Феретиме главных виновников [убийства] из баркейцев, она приказала посадить их на кол вокруг городской стены, а их женам отрезать груди и украсить [ими] стену. Остальных горожан она отдала персам для продажи в рабство, кроме потомков Батта и людей, не виновных в убийстве Аркесилая. Им то Феретима и отдала управление городом.

203. Итак, обратив в рабство остальных баркейцев, персы двинулись назад в Египет. Когда персы подошли к городу киренцев, жители его, повинуясь изречению какого-то оракула, пропустили войско через свой город. Пока войско еще проходило через город, Бадр, начальник персидского флота, приказал захватить город. Однако Амасис, начальник сухопутного войска, не позволил этого, так как, по его словам, он послан в поход только против одного эллинского города Барки. Миновав затем город и разбив стан на холме Зевса Ликейского, персы раскаялись, что не овладели Киреной, и сделали попытку снова

проникнуть в город. Киренцы, однако, не допустили их. Тут персами овладел такой страх, что они бросились бежать и остановились только стадиях в 60 [от города]. Когда войско разбило здесь стан, прибыл вестник от Арианда с приказанием возвращаться. Тогда персы попросили у киренцев продовольствия на дорогу и, получив его, возвратились в Египет. В пути, однако, их подстерегли ливийцы и убивали отстающих и медленно двигавшихся из-за одежды и поклажи воинов, пока, наконец, войско не пришло в Египет.

204. Это персидское войско проникло в Ливию не далее области Евесперид[147]. Что же до обращенных в рабство баркейцев, то персы увели их из Египта к царю Дарию, а царь отвел им для поселения деревню в Бактрии. Деревню эту они назвали Барка, и еще до нашего времени живут там в Бактрии.

205. Но и Феретима не кончила свою жизнь благополучно. По возвращении в Египет, отомстив баркейцам, она умерла лютой смертью. Ибо ее тело еще заживо сгнило от кишящих в нем червей[148]. И действительно, слишком жестокое мщение делает людей ненавистными богам. Таково то и столь страшно было мщение баркейцам Феретимы, супруги Батта.

Примечания

Г.А.Стратановский

[1] 444. В 514 г. до н.э.

[2] 445. См. I 106.

[3] 446. Движение киммерийцев было обусловлено давлением скифов, которых в свою очередь теснили массагеты (IV 11). Дарий не собирался мстить скифам за вторжение в Мидию, но хотел помешать их нападению на Мидию, через Дербентский проход. Для этого царь и предпринял поход против кочевий скифов в Южной России.

[4] 447. Геродот передает здесь древнее скифское сказание. "Слепые рабы" – вероятно, название покоренных скифами народностей, быть может киммерийцев.

[5] 448. Это так называемый Киммерийский вал на совр. Керченском полуострове для защиты Боспора от кочевников.

[6] 449. Упомянутые Геродотом золотые предметы почитались скифами. Так, в кургане Гелермес найдена

золотая секира, служившая, по-видимому, предметом культа.

[7] 450. Тысячелетнее царство – Восточное учение, распространенное также у римлян и этрусков.

[8] 451. Ср. рассказ “Сколько человеку земли нужно” Л. Н. Толстого, сюжет которого навеян этой новеллой Геродота.

[9] 452. Вероятно, Геродот имеет в виду метель и вьюгу.

[10] 453. Известие Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н.э.) восходит к аккадским источникам. Теснимые массагетами, из совр. Западного Туркестана скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в южнорусские степи.

[11] 454. Упомянутая здесь группа киммерийцев, по-видимому, раньше кочевала в Кубанской области, в то время как племена, кочевавшие в Южной России и в Крыму, проникли по западному побережью Черного моря до Геллеспонта и Боспора Фракийского.

[12] 455. Здесь Черное море.

[13] 456. Ворон – священная птица Аполлона.

[14] 457. Город Ольвия. Геродот описывает торговый путь от устья совр. Днепра на север. Греки, по-видимому,

поднимались вверх по Днепру до больших порогов ниже севр. Днепропетровска. Туда, вероятно, приходили купцы из Скандинавии для меновой торговли.

[15] 458. Скифы земледельцы (үешругой) названы так по звучанию их племенного названия (ВДИ, 1946, 2, стр. 42).

[16] 459. Геродот описывает область между севр. Южным Бугом и низовьями Днепра.

[17] 460. Главное скифское племя, по Геродоту, жило в области, ограниченной на западе севр. Днестром, на севере – р. Конской и Донцом, на Востоке – Азовским морем. Южной границей Скифской области была горная цепь Тавр (Яйла). В Неаполе у севр. Симферополя раскопаны остатки резиденции скифских царей и в так называемом Золотом Кургане (525 – 500 гг.) найдены богатые скифские погребения.

[18] 461. В основе описания устья Дона лежит, вероятно, какой-нибудь путеводитель по торговому пути из северного Причерноморья на Восток (в Центральную Азию).

[19] 462. По В. В. Латышеву, иирки – предки мадьяр на севере Урала.

[20] 463. В соленных степях (древнее морское дно) на почве лежит кора, которую Геродот изображает твердой как камень.

[21] 464. По С. Я. Лурье (История, стр. 100), "лысые" люди – предшественники современных башкир.

[22] 465. Вероятно, *Prunus padus* L. (подорожник). Джунгары в северном Китае и теперь еще едят с молоком плоды этого дерева.

[23] 466. Слово "асхи" (ачи) можно сравнить с древнетюркским "ачуг" (горький). У современных башкир есть кушанье "ахша" (С. Я. Лурье. История, стр. 100).

[24] 467. Данное здесь описание почти соответствует описанию образа жизни массагетов (1 215 – 216). Вероятно, оба описания относятся к одному и тому же племени. Описание массагетов восходит к сообщениям аккадских купцов, приходивших к массагетам по дороге через Каспийское море, а греки от устья Дона посещали их соседей аргипнеев на совр. Сырдарье.

[25] 468. Рассказ об убийстве массагетами и исседонами стариков "вряд ли заслуживает доверия" (В. В. Струве. Этюды, стр. 30).

[26] 469. Т.е. к западу от Киммерийского вала.

[27] 470. Одиссея IV, 85.

[28] 471. Упомянутые здесь Геродотом связи этрусков и венетов Верхней Италии с племенами к северу от Альп были главным образом культовыми связями. На бронзовых

сосудах из Верхней Италии находим изображения праздничных процессий, подобных описанным у Геродота.

[29] 472. Речь идет, вероятно, о древних обрядах инициации, которые совершались при переходе в зрелый возраст.

[30] 473. Геродот раскрывает двойное происхождение делосского культа: во-первых, принесенный греками с Севера культ Аполлона и Артемиды и, во-вторых, почитание Аполлона как божества света, перенесенное из Ликии.

[31] 474. Имя Абариса связывается с апарнами (кочевое племя на Алтае, впоследствии называвшееся аварами). Абарис жил якобы во времена Креза и обходил всю землю со стрелой – символом Аполлона.

[32] 475. Или: “Словно выточена на токарном станке”.

[33] 476. Геродот, быть может, пользовался в этом рассказе древней аккадской картой мира, где центром мира была Ассирия.

[34] 477. Здесь – Персидский залив.

[35] 478. Этот соединительный канал Дарий велел прокопать между Нилом и Красным морем. Канал шел через совр. Вади Тумилат и горькие озера и выходил в Красное море у теперешнего Суэца.

[36] 479. Персидский залив.

[37] 480. Сообщение Геродота показывает, что персидская держава простиралась тогда в Индии до восточного края пустыни Фар.

[38] 481. По приказанию египетского царя Неко (609 – 593 гг.) финикияне обогнули мыс Доброй Надежды, при этом солнце было у них на правой стороне. На третий год они достигли Гибралтара и снова вошли в Средиземное море.

[39] 482. Карфагенянин Ганнон около 520 г. до н.э. обогнул Африку. Он оставил описание своего путешествия, греческая обработка которого сохранилась.

[40] 483. См. выше, IV 42.

[41] 484. Плавание Скилака стояло в связи с завоеваниями Дария в Индии. Персы покорили плодородную долину Инда. Персидское войско возвратилось сухим путем, а Скилак морем достиг южной Аравии, а оттуда прибыл в Красное море до теперешнего Суэца. Между Индией и южной Аравией издавна были оживленные торговые связи.

[42] 485. Озеро, из которого вытекает, по Геродоту, Тирас, – болотистая область в истоках совр. р. Припяти. Эту область считали огромным озером.

[43] 486. Морская соленая вода с южным ветром далеко проникает в устье совр. Южного Буга.

[44] 487. Быть может, белуга (*Acipenser huso*), достигающая иногда огромных размеров.

[45] 488. Днепровский лиман (куда впадает совр. Днепр и Южный Буг), отделенный от моря Кинбурнской косой.

[46] 489. Геродот смешивает здесь Гипакирис с какой-то другой рекой.

[47] 490. Такие скифские комлы известны по археологическим находкам.

[48] 491. Кровь убитого врага пьют для того, чтобы вместе с кровью всосать его " силу" (ср.: Дж. Фрэзер. Золотая Ветвь. II. М., 1928, стр. 85).

[49] 492. Этот рассказ Геродота подтверждается находками в алтайских курганах.

[50] 493. При этом обычай играет роль тотемистические представления.

[51] 494. Связки прутьев употреблялись также в культовом ритуале мидян и персов.

[52] 495. Этот способ бальзамирования засвидетельствован также у алтайцев (Хиунг ну). Кипер – растение *Cyperus rotundus*. Селерей – *Areim graveolens*. Анис – *Pimpinella anisum*.

[53] 496. Скифские курганы достигают значительных размеров. В погребальной камере находятся богатые

золотые украшения, рядом с ней – место погребения убитых коней.

[54] 497. Выставленные вокруг могилы стражи впоследствии заменялись каменными фигурами (алтайцы называли их “балбал”).

[55] 498. Изображенный здесь обычай являлся частью культового обряда. Сжигаемые в юрте стебли конопли производили дым, вызывавший опьянение. Находившиеся в юрте люди (и среди них шаманы) приходили в экстаз. “Вопли от удовольствия” – это, вероятно, песни шаманов, содержанием которых было нисхождение душ в подземное царство (ср. I 201).

[56] 499. Оргиастические культуры (Кибелы Великой Матери) проникли к скифам через Кизик.

[57] 500. Здесь первое упоминание о царских дворцах скифов. Впоследствии скифы построили дворец в Неаполе (на месте Симферополя).

[58] 501. Следы богов известны и в других местах, например, на Цейлоне след Будды.

[59] 502. Геродот имеет в виду здесь знаменитые по мифу об аргонавтах скалистые островки у выхода из Босфора, которые сталкивались и разбивали корабли, попадавшие между ними.

[60] 503. Приводимые Геродотом цифры совершенно не сходятся с данными о величине Черного моря, известными из древней географии.

[61] 504. Северный вход в Босфор шириной в 4,7 км. Самое узкое его место, где Дарий велел построить мост, лежит у совр. Румели Хиссар (ширина здесь 660 м); длина Босфора 31,7 км.

[62] 505. Длина Геллеспонта приблизительно 60 км, а ширина в самом узком месте 1350 м.

[63] 506. Т.е. клинописным письмом, которое употреблялось для царских надписей на эlamском, аккадском и древнеперсидском языках.

[64] 507. Расстояние между обоими городами в действительности больше.

[65] 508. Из названий покоренных Дарием племен можно заключить, что царь шел не через совр. Шипкинский перевал, а по прибрежному пути через совр. Добруджу.

[66] 509. “Скалистый Херсонес” – Крымское побережье до совр. Керченского пролива.

[67] 510. Геродот сравнивает здесь два пункта, лежащие на одной широте на южной оконечности Аммики.

[68] 511. Т.е. Восточное побережье совр. Керченского полуострова и западный берег Азовского моря до устья Донца и Дона.

[69] 512. Северную границу Скифской области можно определить лишь приблизительно. На западе страны скифов начиналась область агафирсов, затем шла область невров, далее область так называемых андрофагов до Днепра выше совр. Днепропетровска и, наконец, к востоку от Днепра и севернее р. Конской до Азовского моря – область меланхленов.

[70] 513. Богиня Дева обычно отождествляется с Артемидой.

[71] 514. Геродот сообщает древнюю скифскую легенду о переселении скифов. Змей в народной мифологии – воплощение злого начала – символизирует враждебных пришельцев, которые изгнали невров из их мест обитания.

[72] 515. Волк – тотемное животное невров, с которым они считали себя в родстве. Сообщение об оборотничестве относится к культовому празднику, участники которого носили волчьи шкуры и маски.

[73] 516. Геродот описывает скифские лесные “городища”, которые часто находят теперь археологи.

[74] 517. Эта ошибка Геродота возникла, быть может, оттого, что в названии племени содержалось слово

“белка”, которая называлась на языке племени “поедатель сосновых шишек”. “Белка” как имя племени встречается у алтайских народностей (ср. китайское название одного кочевого племени “минг линг”, указывающее также на слово “белка”).

[75] 518. Здесь ошибка переписчика: вместо тетрάхувнос (четырехугольный) надо читать та́рахубос (лось). Лоси и бобры жили в области будинов на Дону.

[76] 519. “Бобровая струя” получалась вовсе не из яичек бобра. Являясь продуктом особой железы (как самца, так и самки бобра), она служила средством против судорог.

[77] 520. По сказанию, переданному Геродотом, часть позднейших савроматов прибыла из области современной турецкой гавани Самсун морским путем в Северокубанскую область и здесь смешалась со скифскими племенами.

[78] 521. Миф об амазонках распространился в связи с отмеченными уже древними у некоторых скифских племен следами матриархата. Подобные же обычай засвидетельствованы у карийцев, ликийцев и лидийцев.

[79] 522. Из сообщения Геродота получается, что Танаисом он считал совр. Донец, а нижнее течение Дона вплоть до устья Донца – продолжением Азовского моря. Дон весной разливается при устье на 10 км.

[80] 523. Здесь сор. Донец.

[81] 524. Дарий, видимо, предполагал возвратиться в Персию вдоль восточного побережья Кавказа, почему и приказал ионянам ждать его возвращения два месяца. Невероятно, чтобы Мильтиад предложил разрушить мост на Дунае. Этот рассказ выдуман в 493 г., когда Мильтиад был привлечен к суду по обвинению в тирании (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 187, прим. 1).

[82] 525. Геродот изображает передвижения минийцев согласно древнему племенному преданию. Поход в Ливию относится к 510 г. до н.э.

[83] 526. Обозначенные Геродотом как финикияне, потомки Кадма, вероятно, принадлежали к древним догреческим (эгейским) племенам.

[84] 527. Собственно, жертва из 100 быков. В эпоху Геродота – уже только праздничное жертвоприношение.

[85] 528. Жрецы оракула в Дельфах располагали прекрасной информацией от пилигримов о землях, куда направлялась греческая колонизация.

[86] 529. Крит вывозил пурпур, шафран и ценные породы дерева и имел торговые связи с землями, которые остальные греки не посещали.

[87] 530. Моллюски, доставляющие пурпурную краску, ловились на ливийском побережье.

[88] 531. Город лежал приблизительно в 15 км от берега на холме, где впоследствии был акрополь. С холма стекал источник Кира, от которого получил название город Кирена.

[89] 532. В Ливии речь идет о хамитских народностях.

[90] 533. Египетский царь Априй (Априес, библ. Хофра) происходил из Ливии. Решительная битва произошла ок. 570 г. до н.э.

[91] 534. Царь был вместе с тем и Верховным жрецом общиной.

[92] 535. Феретима представляла род Баттидов в собрании совета Кирены. После изменения конституции царская фамилия была еще очень влиятельна благодаря земельным угодьям.

[93] 536. Право чеканить монету принадлежало только царю. На дарейке (вес 8 г) царь был изображен в виде стрелка из лука.

[94] 537. В основе лишения невинности (дефлорации) девушек брачного возраста вождем или главой общиной лежат примитивные религиозные представления. Главе общине приписывалась сверхъестественная сила (оренда), которая при помощи этого действия устраняла вредные злые силы. Обычай дефлорации девушек бытовал еще недавно среди некоторых негритянских племен в Сенегале.

[95] 538. Сильфий (*Laserpitium*) – кустарниковое растение; из корня его добывался сок для приправы к рыбе и мясу. Листья и сок сильфия служили важнейшей статьей экспорта из Кирены.

[96] 539. Геродот имеет в виду совр. Большой Сирт между Киренаикой и триполитанским побережьем.

[97] 540. Геродот упоминает здесь песчаную бурю, уничтожившую луга исиллов.

[98] 541. Речь идет о совр. области Джебель эс Сода, Джебель Шеркие и Харудж эс Сода. Наскальные рисунки в этой области изображают животных, теперь вымерших.

[99] 542. Имеется в виду растение *Zizyphus lotus*, которым еще и теперь питаются жители о. Джерба. Уже Гомер знал ливийских “поедателей лотоса” – лотофагов.

[100] 543. В описании оз. Тритониды в предании, использованном Геродотом, соединялись описания двух озер. Одно относится к Малому Сирту (совр. залив Габес), известному своим мелководьем. Это – та самая Тритонида, куда был отнесен, согласно мифу, Иасон (там находился остров Фла, быть может, совр. Джерба). Другое – к солончаку (совр. Эль Джерид), который можно назвать озером.

[101] 544. Речь идет о ритуальных боях в честь богини плодородия (карфагенская Танит).

[102] 545. Как показывают изображения на египетских памятниках, это не соответствует действительности.

[103] 546. До сих пор Геродот описывал прибрежные племена от египетской границы до совр. залива Габес. Дальнейшее описание относится к караванному пути от Фив в Верхнем Египте через различные оазисы до залива Габес. Здесь Геродот, вероятно, использовал египетский источник.

[104] 547. Наблюдение Геродота о присутствии пресноводных источников среди соляных отложений правильно. Неверно, что эти источники начинаются на возвышенностях: источники и оазисы лежат в низменностях.

[105] 548. См. II 143.

[106] 549. Название источника теперь Айн эль Хамман. Изменение температуры источника зависит от перемены температуры воздуха.

[107] 550. Речь идет о стране на совр. плоскогорье Фессан, именно о совр. долинах Вади эш Шиати и Харудж эс Сода. Здесь к югу от насамонов жили гардаманты.

[108] 551. Упомянутый здесь караванный путь вел от Герма (Гарама) через совр. Эдри, Хасси эль Мисселан, Гадамес и Набут на берегу залива Габес.

[109] 552. На наскальных рисунках в этой области находим изображение буйволов с загнутыми назад рогами.

[110] 553. Боевые колесницы гарамантов изображены на наскальных рисунках.

[111] 554. Вероятно, наскальные рисунки и изображают этих "пещерных эфиопов". Немного спустя после Геродота они были совершенно уничтожены хамитскими пришельцами.

[112] 555. Область атавантов граничила с Сахарой.

[113] 556. Геродот правильно указывает круглую форму Атласских гор.

[114] 557. Стены хижин построены из смеси соли с землей.

[115] 558. Т.е. от совр. Марса Матрух до залива Габес.

[116] 559. Имеется в виду грязная овечья шерсть у заднего прохода. Лечение различных болезней, особенно эпилепсии, путем прижигания описаным способом встречается у кочевых племен. Объяснение Геродота основано на представлении о четырех жидкостях в человеческом теле, из коих флегма находилась в голове.

[117] 560. В культе этих племен заметно финикийское (карфагенское) влияние.

[118] 561. Геродот здесь ошибается. Афина – древнекритская змеиная богиня (об этом напоминают только змеи на щите эгиде). В микенских письменных памятниках линеарного письма В Афина уже “Владычница” и вместе с Посейдоном является божеством – хранителем колесничих (знатных воинов, сражавшихся на колесницах).

[119] 562. Айгес – козы шкуры. Эгига – щит Афины из козьей шкуры.

[120] 563. Воли – греческий обычай, засвидетельствованный уже Гомером.

[121] 564. Сидячие погребения.

[122] 565. Речь идет о так называемых гурби – хижинах из хвороста и глины, крытых пальмовыми ветками.

[123] 566. Быть может, воспоминание (легенда) о переселении хамитских племен из Передней Азии.

[124] 567. Речь идет о совр. Тунисе и Алжире.

[125] 568. Слоны и медведи теперь в Северной Африке вымерли.

[126] 569. Рогатые ослы, вероятно, род антилоп.

[127] 570. Песьеглавцы и безголовые люди изображены на наскальных рисунках; вероятно, демоны.

[128] 571. По-видимому, вымершие теперь в Северной Африке человекообразные обезьяны – гориллы.

[129] 572. Вероятно, род газели с белым задом.

[130] 573. Антилопа (*Dorcas gazella*) с белым брюхом.

[131] 574. Капский олень (*Antilope bubalus*).

[132] 575. Гну (*Catoblepas gnu*) – конедык.

[133] 576. Ὄρυξ – орикс белый (*Oryx leucoryx*), вид антилопы, распространенный в Египте и Ливии.

[134] 577. Степная лисица.

[135] 578. Дикообраз (*Hystrix cristata*).

[136] 579. Муфлон, теперь вымерший в Ливии.

[137] 580. Т.е. жирафы. Название δίχτυς (сетчатое животное) происходит от узоров на их коже.

[138] 581. Речь идет о панцирном крокодиле.

[139] 582. Страусы теперь в Северной Африке вымерли.

[140] 583. Речь идет о вымершем роде очковой змеи.

[141] 584. Заяц прыгун (*Pedetes*).

[142] 585. Быть может, берберийская мышь.

[143] 586. Смоляные источники находятся в юго-западной части острова около Кери.

[144] 587. Речь идет о зимних дождях. Годовые осадки составляют в совр. Типоли 400, а в Хомсе – 300 мм.

[145] 588. Плодородие Кирены зависело от регулярных зимних дождей (405 мм).

[146] 589. Эта осадная техника развилаась в Ассирии и Вавилоне и затем была воспринята персами. Грекам она была тогда еще неизвестна.

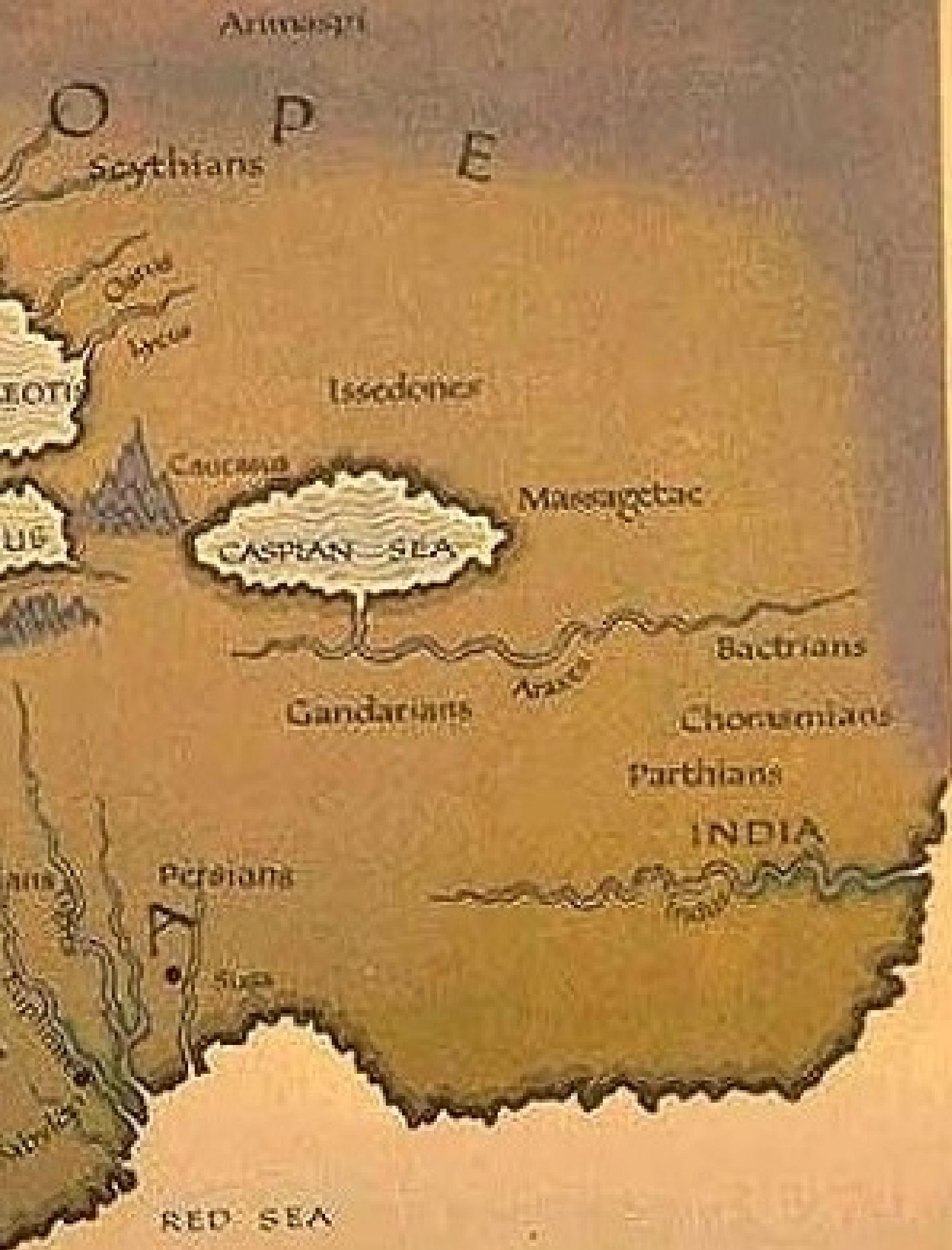
[147] 590. Т.е. приблизительно до совр. области Бенгази.

[148] 591. Вероятно, гангрена как следствие диабета, весьма распространенного на Востоке.

(Рядом муз истории Клио и муз трагедии Мельпомена. Мозаика. Конец 2 — начало 3 в. Тунис. Национальный музей Бардо.)

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (*Cic. De leg. I, 1*): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стиической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Руth. I, 94; Нем. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказывать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидida или бывших их современниками(4).

Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ – ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением *fuerunt ante Homerum poetae*, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидida произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин *ξυντίθέναι* («составлять», «складывать») вместо термина *ξυγγράφειν* и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннессской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Денох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милемянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннессской войны и до времени Фукидода жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец, и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали греческие дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидida, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы мильтян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάκης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (*De rubro mari*, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (*Τερίοδος γῆς*). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмысливать стариные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии.

Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.
2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. Р., 1868—1883), ценные не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скучными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря *Суды Ἡρόδοτος, Ταχύδοτος, Ἐλλάνικος*). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгинь в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как островумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни.

Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибываю в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец, быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милемской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал.

Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Именского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечает С. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком (17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святынище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Промагор, афинский политический деятель Ксенократ, милетский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22).

Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила.

Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἐρόδοτου Θουρίου ἦδεις ἴστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец, представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἐρόδοτου Ἀλικαρνασσέος ἴστορίης ἀπόδεξις ἦταιρος (Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассыцем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления действиях, совершенных частью элинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.
2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеют здесь в виду Геродот.
3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Ном. Од. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идеи до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рамисинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овett предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 – VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» – VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесме труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «дополнениями» (προσθήκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмысливать со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычай варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказывать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим с нам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рамисинита (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвальтись красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые высступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине антической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым Восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рамисинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном (39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знаменные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, плащ, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все том же губительный сон (οὐλός ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ама заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливющий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на сушу произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывающихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских голливотов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Элады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнаса, входившего в состав персидской державы).

Правители Галикарнаса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнаса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аттику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общегосударственного дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени) знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиришестве, которое фиванец Аиттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиришестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннессе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочтеть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннессской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то часть их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46).

Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества.

Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной эту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенno важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) Внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о происхождении Рамисинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возведения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456—454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, настурбализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Мемиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиету (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99).

Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (öψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίῃ и γνώμῃ).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во Введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этом передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова (59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидиду, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вошли в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в начальном состоянии (60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых арийцах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Сапской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

Важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказанное Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд подхватиства у скифов, при котором братавшиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованы, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соотвествия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или минимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Задеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц, (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин».

Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культурам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к ставленным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он намекивает на объяснение событий путем вмешательства посторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12–14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — добродоязенный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшим к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплакивается его далекий потомок Крез). Божество зависимо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависимость божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непрекаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе большие счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и том египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал пучты и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань стаинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себяδιογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее.

Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслиении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоящие нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытых в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истру (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км². Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в том раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний (76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отзававшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидаe, саспирсы, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» высступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к Востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на Востоке и на Севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ, богини Нейт (он называет ее Афиной) о Верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания вокруг Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ, и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, том поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωμαστά — 11) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаем: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически первым этнографом Европы (80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (*Cic. De leg. I, 1*), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (*Artax. I*), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), отменок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких странниц истории этого прошлого были греко-персидские Войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стеванус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитывать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого комилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придиличной и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенno важен труд Хигнетта, защищившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различия материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитированной здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К Вопросу об источниках и добросовестности Геродота»
(ЖМНП, 1888, июль).

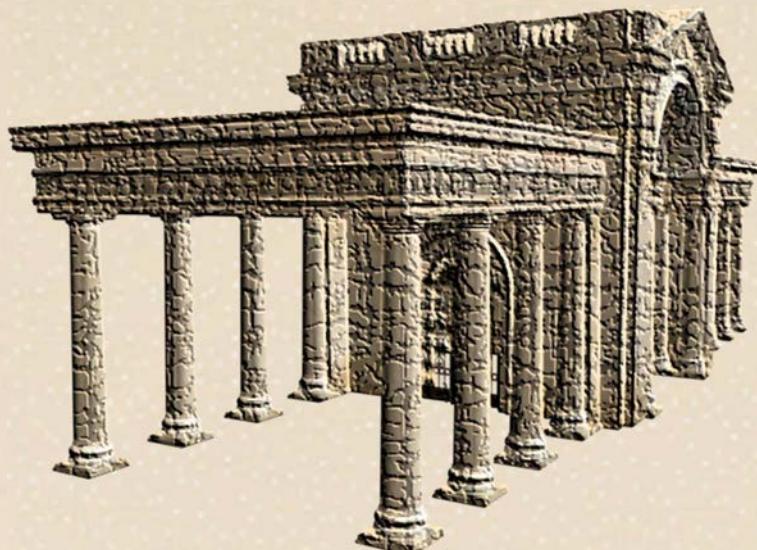
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остroумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδιγός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядашей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (*ιστορία*) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».
2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.
3. См.: E. Hoffmann. *Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt*. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. Logographen).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (I 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. Logographen.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 В Jacoby (F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotus. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнегреческой образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotus. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 слл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Панремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S. Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. *Xerxes' Invasion of Greece*. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнетт (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. *La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger*, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милемянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. *Hérodote*. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Полени (M. Pohlenz. *Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡρόδοτου Θουρίου, следуя Якоби (*Herodotos*, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «действия», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Полени (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Romp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, действие» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Хен. Сугор. I, 1, 5; I, 4, 25).

Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. *Die Anfänge der griechischen Literatur*. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (*Herod.* 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. *Herodotos*, S. 281. Якоби, следя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. *Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks*. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идее написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — это совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. *La composizione della storia di Erodoto*. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J. Vogt. *Herodot in Ägypten. Genethliakon* W. Schmid. Tübing. *Beiträge z. Altertumswissenschaft*. N. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежитalexандрийским грамматикам.

31. W. Aly. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милетского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплему на милетский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὕ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει (Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец, Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A. Piatkowski. *Le sourire ironique d' Hérodote*. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. R. Stahl. *Herodots Gyges-Tragodie*. *Hermes*, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. *The Purpose of dramatisation in Herodotus*. *Historia*, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. *Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot*. *Klio*, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (*Herodotos*, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. *Politisches Denken bei Herodot*. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. *Marathon*. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. *Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature*. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 слл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. *Das Nationalbewusstsein des Herodot*. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. *The cult of Harmodius and Aristogeiton*. *Philologus*, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными
освободителями Афин... имеет в своей основе информацию,
предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда
см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль
Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить
Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с
Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3, p. 466 B), но, как
замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p.
157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в
Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был
уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока,
каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир,
поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из
преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее
знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т.
II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963,
стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).
55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герифельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).
56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.
57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.
58. C. Hignett, op. cit., p. 30.
59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действитель но опрашивал представителей каждого народа...»
60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.
61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.
62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.
63. Б. Н. Греков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).
64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.
65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 слл.

66. С. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СХХV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotus, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтверждеными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (*Геродот и его место в древнеэллинской образованности*, стр. СХХVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (*Не в меру строгий суд над Геродотом*, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц, при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культурами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 слл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «*Не в меру строгий суд над Геродотом*» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. Herodotus I—III. The ancient empires of the East. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шнигельберга, на которые ссылаемся Майрс (указ. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. *Ionische Geschichtsschreibung*. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. *The Great Persian War*. London, 1901; J. Kromayer. *Antike Schlachtfelder*. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. *Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes*. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо большие знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (15).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хелльманн (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Verve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, различие рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (*Herodoti Historiae. Recognivit breve adnotacione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912*), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) *Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964*; 2) *Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963*; 3) *Die Geschichten des Herodotus, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.). Комментарии: 1) Herodotus. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886; 2) Herodotus, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875; 3) W.W. How and J. Wells. A*

commentary on Herodotus, with an introduction and
appendices. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту:
A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition.
Hildesheim, 1960.

Прочая литература, использованная переводчиком

- А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
- В.В. Ламышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
- С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
- С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
- В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
- В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
- Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
- J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
- Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
- F. Jacoby. Herodotos. Pauly-Wissowa. Realencyklopädie d. klassischen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
- E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Список сокращений

Аkk. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

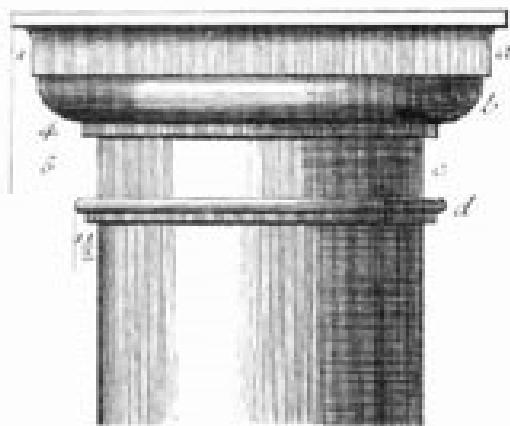
Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

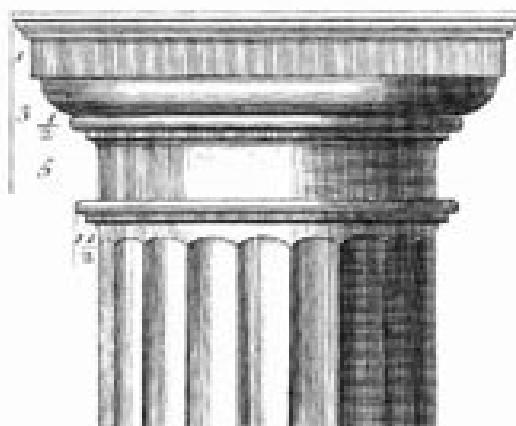
Финик. — финикийский.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique
Moderne.

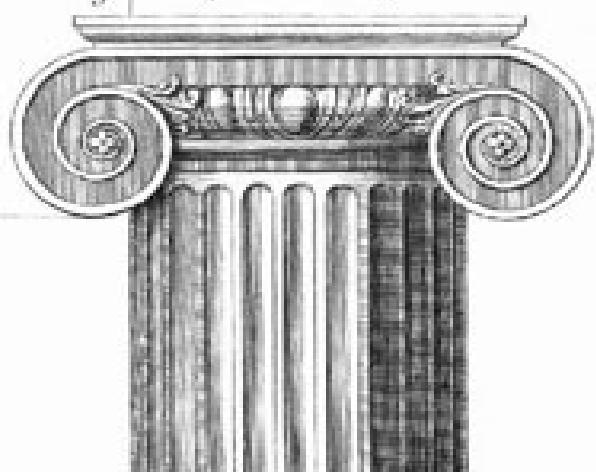
Chapiteau Tessan.

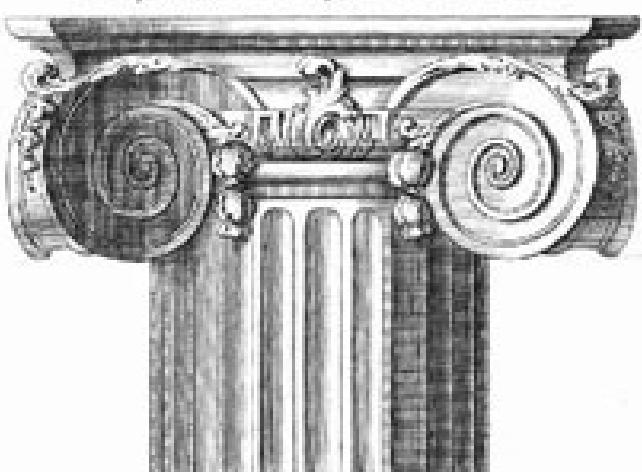
Chapiteau Dorique.

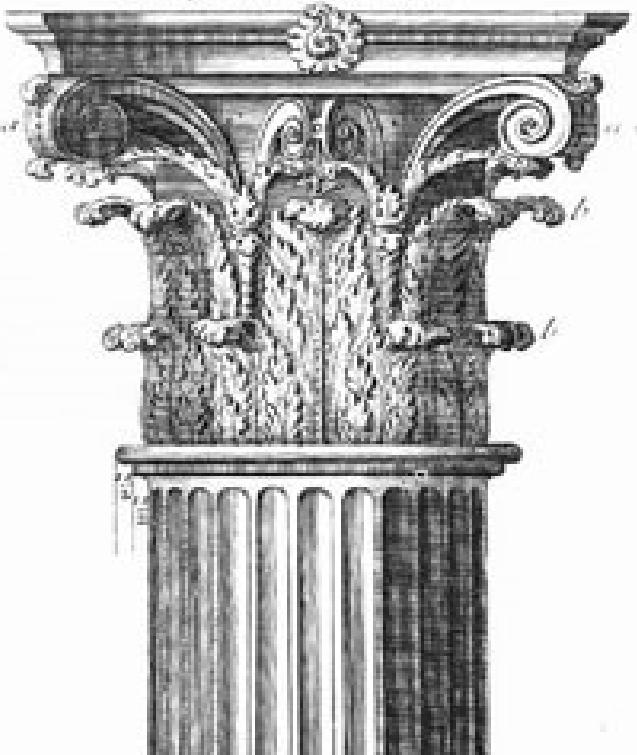
Chapiteau Ionique.

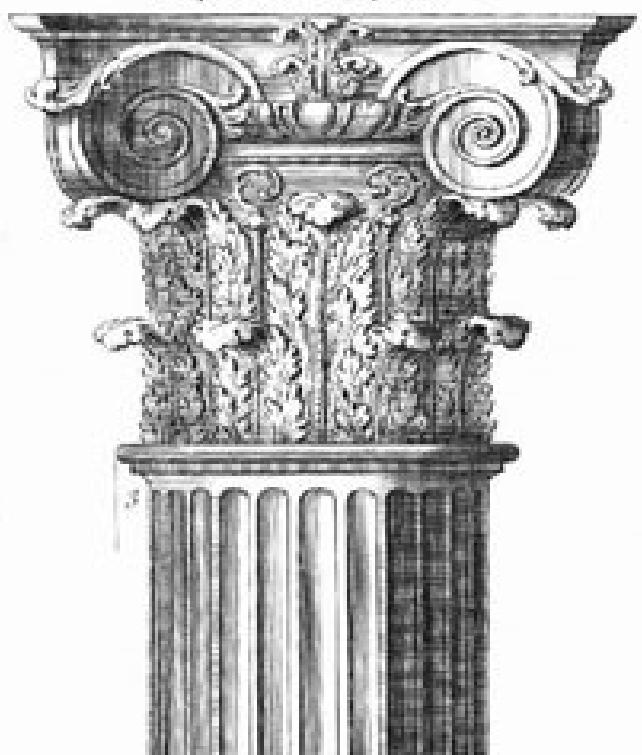
3. Modèle, ou 24 minutes.
Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Corinthe.

Chapiteau Composite.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плеффр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Комила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрем. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История.

Книга четвёртая. Мельпомена (обл.) стр.1

Геродот. История. В девяти книгах – 2016 стр.3

От редакционной коллегии стр.5

Бюст Геродота. Музей в Неаполе стр.9

Книга четвёртая. МЕЛЬПОМЕНА стр.11

Примечания. Г.А.Стратановский стр.129

Вкладка «Карта мира по Геродоту» стр.148

В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота» стр.150

От переводчика (Г.А.Стратановский) стр.235

Античные меры стр.240

Содержание стр.242

Форзац стр.243

Обложка стр.244

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга четвёртая. МЕЛЬПОМЕНА

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: YODA

Ответственный за выпуск: YODA

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 19.10.2016

Формат документа: (А4) 27,9 x 21; 244 стр.

Тираж: Без ограничений.

«ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРАВЯТ ЛЮДЬМИ,
А НЕ ЛЮДИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ »

ГЕРОДОТ